ВЛІЯНІЕ КЕЛЬТИЧЕСКАГО И ГЕРМАНСКАГО ПРАВА НА СИСТЕМУ КАРЪ И ПОКАЯНІЙ ЗАПАДНОЙ ЦЕРКВИ.

Въ послѣднее время возникла на западѣ богатая литература, посвященная изслѣдованію тѣхъ явленій въ исторіи права, которыя носятъ названіе рецепцій права. Такъ, напримѣръ, въ цѣломъ рядѣ ученыхъ трудовъ изслѣдователи старались установить причины и опредѣлить характеръ и объемъ рецепціи римскаго права въ Германіи. Несомнѣнно, что, благодаря этимъ трудамъ, выяснено многое въ исторіи правообразованія на западѣ Европы, и устранено много невѣрныхъ и чисто формальныхъ воззрѣній на исторію рецепцій, но тѣмъ не менѣе полнаго пониманія существа рецепцій и законовъ, по которымъ онѣ совершаются, далеко еще не установилось въ наукѣ. Зависитъ это, по нашему мнѣнію, не отъ того, чтобы въ распоряженіи ученыхъ было недостаточно матеріала для выясненія вопроса—матеріалъ этотъ съ избыткомъ находится во всѣхъ лучшихъ сочиненіяхъ, относящихся къ исторіи рецепцій, — а потому что при изученіи рецепцій главное вниманіе изслѣдователей обращалось на то, какъ, какимъ путемъ совершалась рецепція, а не на то, въ чемъ она состояла. Другими словами, изслѣдователи старались выяснить себѣ главнымъ образомъ, при содѣйствіи какихъ соціальныхъ силъ и подъ вліяніемъ какихъ обстоятельствъ и условій времени и мѣста произошла рецепція, а не въ какомъ видѣ реципированы были институты чужаго права. А между тѣмъ, при обратномъ отношеніи къ дѣлу, существо рецепцій выяснилось бы, если можно такъ выразиться, почти само собою. Если при изученіи рецепцій обратить глав-

нымъ образомъ вниманіе на то, какую форму приняло реципированное право у усвоившаго его народа, то первое, что поражаетъ изслѣдователя—это то, что не только отдѣльные правовые институты подверглись значительнымъ видоизмѣненіямъ при рецепціи, но что весь характеръ реципированнаго права иногда рѣзко отличается отъ того, который оно имѣло первоначально. Подобное явленіе невольно наводитъ на мысль, что мы имѣемъ здѣсь дѣло, собственно говоря, не съ заимствованіемъ чужаго права, а съ образованіемъ новаго права при посредствѣ чужаго права. Это чужое право есть только одинъ изъ элементовъ сложенія новой формаціи права, другимъ элементомъ которой будутъ національныя юридическія воззрѣнія реципирующаго народа. Между этими двумя элементами при сложеніи новаго права всегда происходитъ борьба, которая бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ рѣзче основный принципъ реципируемаго права отличается отъ основнаго принципа національнаго права заимствующаго народа [1]). Который изъ двухъ элементовъ, находящихся другъ съ другомъ въ борьбѣ, сдѣлается преобладающимъ въ новой формаціи права—это зависитъ уже отъ обстоятельствъ и условій времени. Если національное право реципирующаго народа остановилось, такъ сказать, въ своемъ развитіи, а потому перестало удовлетворять новымъ потребностямъ общества, то перевѣсъ окажется несомнѣнно на сторонѣ чужаго права [2]). Если же національное право, напротивъ того, содержитъ въ себѣ бо́льшую жизненную силу, чѣмъ реципируемое чужое, то въ большинствѣ случаевъ отъ реципируемыхъ институтовъ останется только форма, внутреннее же содержаніе опредѣлится національными правовыми воззрѣніями. Наконецъ, если тотъ и другой элементъ проявятъ одинаковую почти устойчивость, то новая правовая формація получитъ вполнѣ своеобразный характеръ, отличающійся, какъ отъ характера чужаго, такъ и отъ характера національнаго права.

Итакъ, то обстоятельство, что изслѣдователи обращали главнымъ образомъ вниманіе на ходъ рецепціи и внѣшнюю ея обстановку, а не на то, въ чемъ состояла рецепція, было препятствіемъ къ уста-

---

[1]) Воззрѣніе на рецепцію какъ на образованіе новаго права высказано, насколько намъ извѣстно, только *Лоренцомъ Штейномъ* въ статьѣ «Zur europaeischen Rechtsgeschichte» въ *Zeitschrift fur d. privat- und oeffentliche Recht der Gegenwart.* Band I, pag. 722 — 737. Впрочемъ, Штейнъ не развиваетъ своего воззрѣнія.

[2]) Такъ было при рецепціи римскаго права въ Германіи.

новленію въ наукѣ правильнаго воззрѣнія на рецепцію, какъ на процессъ образованія новаго права. Впрочемъ, только что сказанное относится главнымъ образомъ къ трудамъ, въ которыхъ излагается исторія рецепціи римскаго права. Ученые, занимавшіеся исторіей рецепціи церковнаго права, хотя и не выяснили окончательно значенія рецепціи въ указанномъ выше смыслѣ, тѣмъ не менѣе постоянно обращали вниманіе на то, какимъ видоизмѣненіямъ подлежало выработавшееся въ первые вѣка христіанства церковное право у новообращенныхъ германскихъ и кельтическихъ народовъ подъ вліяніемъ національныхъ юридическихъ воззрѣній этихъ племенъ. Это правильное отношеніе къ дѣлу объясняется отчасти и самимъ характеромъ источниковъ исторіи каноническаго права, непосредственно свидѣтельствующихъ о томъ, какъ церковь на западѣ принимала во вниманіе правовыя воззрѣнія племенъ, обращаемыхъ ею въ христіанство, и старалась приспособить къ этимъ воззрѣніямъ свое право [1]). Иногда уступки, дѣлавшіяся церковью національнымъ юридическимъ воззрѣніямъ, имѣли только временной преходящій характеръ, и церковь, прочно утвердившись у новообращеннаго племени, спѣшила ихъ от-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи замѣчательна переписка папы Григорія Великаго съ Сицилійскимъ епископомъ Феликсомъ, изъ которой явствуетъ, что у новообращенныхъ народовъ допускались браки въ такихъ степеняхъ родства, въ которыхъ они положительно воспрещались общимъ каноническимъ правомъ церкви. Дѣлалось это съ тою цѣлью, чтобы строгимъ примѣненіемъ каноническихъ правоположеній не устрашить язычниковъ и не замедлить такимъ образомъ обращенія ихъ въ христіанство. Въ своемъ посланіи къ папѣ Григорію епископъ Феликсъ обращается къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ: Haec quidem meditantes perlatum est sicut a quibusdam Roma venientibus vos Augustino consodali nostro, per venerabilem sanctitatem vestram postmodum episcopo Anglorum genti ordinato, et illuc directo atque Anglis scripsisse, quos olim ad fidem conversos per vos cognovimus, ut quarta progenie conjuncti non separentur. Quae consuetudo dudum in illis, aut in istis partibus, quando una vobiscum ab infantia nutritus atque edoctus fui, non erat, nec in ullis praedecessorum vestrorum decretis, aut reliquorum generaliter vel specialiter patrum institutis legi, aut hactenus ab ullis sapientibus esse concessum didici, sed semper usque septimum originis suae gradum hoc a sanctis antecessoribus vestris et ceteris sanctis patribus, tam in Nicaena Synodo, quam et in aliis sanctis consiliis congregatis, servari debere reperi... Et quoniam non modicum murmur super hac re nobiscum versatur, quid respondere fratribus et coepiscopis nostris debeamus a vobis quasi a capite responsum quaerimus. Григорій отвѣчаетъ, что это дозволено имъ новообращенному Англійскому племени «ne a bono quod coeperat metuendo austeriore recederet (Срави. *Mansi* Conciliorum nova et amplissima collectio. Tomus X. Florentiae. 1764, pag. 424—426).

мѣнить; иногда же, напротивъ того, разъ сдѣлавъ извѣстную уступку, церковь принуждена была дѣлать все новыя и новыя уступки, такъ что институты церковнаго права принимали у новообращеннаго племени совершенно своеобразный характеръ, рѣзко отличающійся отъ того, который они имѣли въ первоначальной церкви. Другими словами, при подобныхъ обстоятельствахъ возникало новое церковное право, сильно проникнутое національнымъ элементомъ.

Для желающихъ выяснить себѣ существо рецепцій и законы, по которымъ онѣ совершаются, въ высшей степени интересно прослѣдить въ исторіи отдѣльныхъ церковныхъ институтовъ это постепенное проникновеніе національныхъ кельтическихъ и германскихъ началъ въ право католической церкви, вслѣдствіе котораго не только внѣшній обликъ, но и внутреннее содержаніе церковныхъ институтовъ измѣнилось кореннымъ образомъ, то-есть, возникла новая формація права.

Подобное изслѣдованіе мы намѣрены предпринять въ настоящемъ очеркѣ по отношенію къ исторіи системы каръ и покаяній западной церкви. Съ этою цѣлію необходимо выяснить сперва основы системы каръ и покаяній церкви въ первые пять вѣковъ христіанскаго лѣтосчисленія, а затѣмъ опредѣлить, какимъ видоизмѣненіямъ подверглись эти основы у различныхъ кельтическихъ и германскихъ племенъ, принявшихъ христіанство.

II.

Если мы сравнимъ систему каръ и покаяній первоначальной христіанской церкви съ системою каръ и покаяній западной церкви въ первыя времена послѣ принятія германскими и кельтическими народами христіанской религіи, то на первыхъ порахъ мы будемъ поражены невольно бросающимся въ глаза различіемъ въ основахъ этихъ двухъ системъ. Между тѣмъ какъ въ первоначальной христіанской церкви главною реакціей противъ грѣха и церковныхъ преступленій[1]) является покаяніе, долженствующее побудить согрѣшающаго

[1]) Хотя, какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ *Н. С. Суворовъ* («О церковныхъ наказаніяхъ». С.-Петербургъ, 1876, стр. 4), и въ области церковнаго правовѣдѣнія необходимо отличать право отъ морали, а слѣдовательно, грѣхъ отъ церковнаго преступленія, но подобное различіе не проводится строго въ источникахъ церковнаго права первыхъ временъ христіанства, то-есть, его мы не находили ни въ Евангеліи, ни въ Посланіяхъ апостольскихъ. Вотъ почему мы не выдѣляемъ, что касается перваго вѣка, понятія преступленія изъ понятія грѣха и понятія кары изъ понятія покаянія.

человѣка къ сознанію грѣховности своего дѣянія и къ обращенію съ вѣрою къ Божественной благодати, чтобъ ея дѣйствіемъ укрѣпить волю для дальнѣйшей борьбы съ грѣховнымъ началомъ,—въ церкви западной реакція противъ грѣха принимаетъ все болѣе и болѣе характеръ наказанія, такъ какъ грѣхъ погашается не внутреннимъ перерожденіемъ согрѣшившаго, а подчиненіемъ его тѣмъ лишеніямъ и взысканіямъ, которыя налагаются на него церковною властью. Изъ только что сказаннаго, впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ заключать, чтобы въ исторіи первоначальной церкви не встрѣчалось примѣровъ носящей на себѣ несомнѣнный характеръ наказанія реакціи противъ грѣха, и чтобы въ первыя времена христіанства не проявлялись тенденціи придать покаянію болѣе внѣшнее значеніе. Напротивъ того, несомнѣнно, что были случаи, въ которыхъ реакція противъ грѣха проявлялась въ формѣ наказанія, и что при покаяніи обращалось вниманіе не только на внутреннюю, но и на внѣшнюю сторону. Равнымъ образомъ невѣрно было бы предположить, что въ церковномъ правѣ германскихъ и кельтическихъ народовъ утерялось совершенно первоначальное значеніе покаянія. Такихъ выводовъ и предположеній мы и не дѣлаемъ. Мы указываемъ только на преобладающій тонъ въ той и другой системѣ каръ и покаяній и на то, что тѣ элементы, которые имѣли въ покаянной системѣ первоначальной церкви второстепенное значеніе, сдѣлались впослѣдствіи на западѣ преобладающими. Объясняется же это, какъ увидимъ ниже, тѣмъ, что при созданіи новой формаціи церковнаго права изъ заимствованныхъ изъ старой формаціи элементовъ получили дальнѣйшее развитіе главнымъ образомъ тѣ, которые наиболѣе соотвѣтствовали началамъ, легшимъ въ основу карательной системы свѣтскаго права Кельтовъ и Германцевъ. Въ виду этого мы постараемся въ предлагаемомъ очеркѣ системы каръ и покаяній первоначальной церкви выяснить значеніе не только преобладающихъ, но и второстепенныхъ элементовъ этой системы.

По ученію Господа нашего Іисуса Христа и его апостоловъ, покаяніе есть путь къ спасенію, непремѣнное условіе участія въ царствіи Божіемъ, каковымъ является церковь. „Оттолѣ“, говоритъ евангелистъ,—начатъ Іисусъ проповѣдати и глаголати: Покайтеся, приближеся бо царствіе небесное“ [1]). Такимъ образомъ проповѣдь Христа открывается воззваніемъ къ покаянію. Покаяніе же состоитъ въ полномъ скорби по Богѣ сознаніи своей грѣховности, въ твердомъ намѣреніи

[1]) Матѳ. 4, 17; Марка 1, 14, 15.

исправиться, въ обращеніи съ вѣрою ко Іисусу Христу о поддержаніи этого намѣренія дѣйствіемъ божественной благодати и въ стараніи укрѣпить это намѣреніе въ самомъ себѣ [1]). Мытарь пошелъ оправданъ въ домъ свой, потому что онъ созналъ всю великость своихъ прегрѣшеній и со скорбію и смиреніемъ обратился къ Господу. Покаяніе необходимо, какъ для лицъ, желающихъ вступить въ церковь, такъ и для прегрѣшающихъ членовъ церкви, подпавшихъ посредствомъ совершеннаго ими грѣховнаго дѣянія власти діавола и содѣлавшихся такимъ образомъ недостойными принадлежать къ церкви. Первые, то-есть, желающіе вступить въ церковь, нуждаются въ покаяніи, чтобы посредствомъ оного приготовиться къ крещенію, этому освобожденію отъ грѣха первороднаго, подъ господствомъ котораго стоятъ всѣ люди, не принадлежащіе къ союзу церкви. Вторые, то-есть, согрѣшающіе члены церкви, приносятъ покаяніе, чтобы посредствомъ оного восторжествовать надъ грѣхомъ и снова сдѣлаться достойными общенія съ церковью. Такимъ образомъ покаяніе есть средство борьбы съ грѣховнымъ началомъ, общее какъ лицамъ, желающимъ вступить въ церковь и освободиться отъ первороднаго грѣха, такъ и прегрѣшающимъ членамъ церкви. Вотъ почему, какъ увидимъ ниже, церковь впослѣдствіи стала примѣнять правила, установленныя первоначально относительно покаянія приготовляющагося вступить въ церковь, къ покаянію прегрѣшающихъ членовъ церкви.

Сужденіе о томъ, на сколько покаяніе укрѣпило волю и принесло желаемые плоды, Господь предоставилъ церкви, которой онъ далъ власть вязать и разрѣшать [2]). Церковь рѣшаетъ вопросъ: можетъ ли оглашенный вступить въ церковь, а равнымъ образомъ, можетъ ли прегрѣшившій членъ церкви быть снова принятъ въ церковное общеніе на основаніи принесеннаго имъ въ своихъ согрѣшеніяхъ покаянія. Прегрѣшившій принимается въ церковное общеніе самою же церковью, отлучившею его отъ этого общенія. Отлученіе же, въ свою очередь, состояло въ торжественномъ заявленіи, что въ согрѣшившемъ грѣховное начало на столько усилилось, что онъ не можетъ быть въ общеніи съ Богомъ и церковью, доколѣ покаяніемъ не докажетъ того, что возвратился на путь истины и поборолъ силу грѣха. Такимъ образомъ, отлученіе находится въ самой близкой связи съ покаяніемъ и является преимущественно способомъ побудить согрѣ-

---

[1]) Лук. 7, 37—50; 15, 11—24; 18, 13, 14.

[2]) Матѳ. 18, 18, Іоанна 20, 23.

шившаго къ покаянію, а не наказаніемъ въ смыслѣ возмездія за содѣянное. Согрѣшившій отлучается отъ церкви не для того, чтобы посредствомъ подобнаго отлученія лишить его общенія съ церковью, а слѣдовательно, и съ Богомъ, въ возмездіе за содѣянный грѣхъ, а потому что онъ, подпавъ подъ господство грѣха, сдѣлался неспособнымъ къ подобному общенію [2]). Правда, грѣшникъ предается, по выраженію апостола, сатанѣ, но онъ предается ему потому, что вслѣдствіе своихъ согрѣшеній не можетъ находиться въ общеніи съ Богомъ, доколѣ не побѣдитъ того, что̀ апостолъ въ посланіи къ Римлянамъ (VII, 23) называетъ „грѣховнымъ закономъ, сущимъ въ удѣхъ“ человѣка. При принесеніи дѣйствительнаго покаянія, двери церкви разверзаются для грѣшника. Онъ опять становится участникомъ благодатнаго царствія Божія, членомъ тѣла Христова, то-есть, церкви. О такомъ примиреніи грѣшника съ Богомъ и церковью постоянно заботится церковь. Это явствуетъ, какъ изъ притчей евангельскихъ о заблудшей овцѣ, потерянной драхмѣ и блудномъ сынѣ, такъ и изъ принятія въ общеніе съ церковью покаявшагося блудника, о которомъ упоминаетъ св. апостолъ Павелъ въ своемъ второмъ посланіи къ Коринѳянамъ (II, 7, 8). Равнымъ образомъ, и св. апостолъ Іоаннъ въ первомъ своемъ соборномъ посланіи повелѣваетъ молиться о согрѣшающемъ братѣ (1-е соборне посланіе св. апостола Іоанна, V, 16). Правда, въ Писаніи упоминается также о грѣхѣ къ смерти, который не простится человѣкамъ (Матѳ. XII, 31), и относительно котораго апостолъ Павелъ говоритъ въ посланіи къ Евреямъ (VI, 4—6): „Невозможно бо просвѣщенныхъ единою и вкусившихъ дара небеснаго, и причастниковъ бывшихъ Духа Святаго, и добраго вкусившихъ Божія глагола, и силы грядущаго вѣка, и отпадшихъ, паки обновляти въ покаяніе, второе распинающихъ Сына Божія себѣ, и обличающихъ“. Но этотъ грѣхъ къ смерти, состоящій въ хулѣ на Духа Святаго, въ отрицаніи Христа бывшими членами церкви, бывшими участниками дарованной ей благодати, потому велъ въ первоначальной церкви къ отлученію навсегда, что въ содѣявшихъ оный не предполагалось возможности дѣйствительнаго покаянія и обращенія на путь истины. Грѣшившій къ смерти, отри-

---

[2]) Что таково главное значеніе отлученія, явствуетъ изъ того мѣста Евангелія отъ Матѳея (18, 15—17), въ которомъ устанавливается отлученіе. Сравн. также 2-е посланіе къ Ѳессалоникійцамъ 3, 6, 14; 2-е къ Тимоѳею 3, 5; 2-е соборное Іоанна 9, 10, 11.

цавшійся отъ Христа, отрицался отъ самаго источника благодати, прерывалъ связь съ Сыномъ Божіимъ, даровавшимъ своею крестною смертію возможность грѣховному человѣчеству освободиться изъ-подъ власти грѣха. Церковь отрицалась отъ него, потому что онъ самъ отрицался отъ Сына Божія, то-есть, другими словами; отъ самой церкви. Здѣсь опять мы имѣемъ дѣло не съ наказаніемъ въ смыслѣ свѣтскаго права, а съ торжественнымъ отрицаніемъ со стороны церкви такого отношенія, которое было нарушено самимъ прегрѣшившимъ. Это ясно выражено въ самихъ словахъ Господнихъ, переданныхъ намъ въ Евангеліи: „А иже отвержется мене предъ человѣки, отвергуся его и азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ".

Слѣдовательно, ни покаяніе, ни отлученіе не могутъ быть названы наказаніями въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы обыкновенно употребляемъ этотъ терминъ, ибо покаяніе было только мѣрой исправленія, которой добровольно подчинялся, а не противъ воли подлежалъ прегрѣшившій, а отлученіе было только торжественнымъ отрицаніемъ со стороны церкви такой связи, которая была порвана самимъ прегрѣшившимъ, и объявленіемъ, что въ прегрѣшившемъ нѣтъ уже болѣе тѣхъ внутреннихъ условій, наличность которыхъ необходима для принадлежности къ церкви. Коль скоро эти условія снова съ достовѣрностью могли быть констатированы въ отлученномъ,— онъ возсоединялся съ церковью. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что, по ученію церкви, дѣйствительный судъ и дѣйствительное наказаніе грѣшниковъ произойдутъ отъ грядущаго въ послѣдній день міра Сына Божія „судити живымъ и мертвымъ" [1]).

Относительно покаянія большинство изслѣдователей согласны, что оно не можетъ быть названо наказаніемъ въ точномъ смыслѣ этого слова [2]); относительно же отлученія нѣкоторые изслѣдователи высказываютъ мнѣніе, что его слѣдуетъ признать наказаніемъ потому, что оно заключаетъ въ себѣ одинъ изъ характеристическихъ признаковъ наказанія, а именно лишеніе правъ. Здѣсь подразумѣваются тѣ права, которыми пользовался согрѣшившій какъ членъ церкви [3]). Но различіе

---

[1]) Церковь исключала только прегрѣшившаго, судъ надъ нимъ предоставлялся Богу (1-е Коринѳ. XVI, 22).

[2]) Ср. *Суворовъ*. О церковныхъ наказаніяхъ, 7, *Loening*, Geschichte des deutschen Kirchenrechts, I, 268

[3]) *Н. Суворовъ*, 22; *Loening*, I, 268. Впрочемъ, признаніе отлученія наказаніемъ относится у Лёнинга главнымъ образомъ къ позднѣйшему послѣ константиновскому времени.

между отлученіемъ временъ апостольскихъ и наказаніемъ свѣтскаго права заключается въ томъ, что лишеніе правъ церковныхъ является только слѣдствіемъ того обстоятельства, что отлученный пересталъ быть членамъ церкви [1]), между тѣмъ какъ при наказаніи свѣтскаго права лишеніе правъ разсматривается именно какъ эквивалентъ преступленія, назначаемый въ воздаяніе за преступленіе и для погашенія оного. Наказаніе является соразмѣреннымъ съ преступленіемъ воздаяніемъ за сіе послѣднее и удовлетвореніемъ чувства общественной правды; отлученіе же во времена апостоловъ не представляетъ такой соразмѣрности съ содѣяннымъ грѣхомъ [2]), а равнымъ образомъ не разсматривается какъ удовлетвореніе чувства правды церковнаго общества, ибо сіе послѣднее примирялось съ согрѣшившимъ не потому, что онъ претерпѣлъ извѣстныя лишенія и страданія и этимъ искупилъ, такъ-сказать, свое грѣховное дѣяніе, а потому, что онъ внутренне переродился и сталъ способнымъ въ дѣйствительности снова вступить въ общеніе съ церковью. Другими словами, въ отлученіи временъ апостольскихъ мы не встрѣчаемся съ тѣмъ формальнымъ характеромъ, который преобладаетъ въ наказаніи свѣтскаго права. Это явствуетъ также и изъ того обстоятельства, что при наказаніи общество заботиться о томъ, чтобы преступникъ отбылъ опредѣленное ему наказаніе, видя въ этимъ торжество правды и отрицаніе неправды, между тѣмъ какъ церковь временъ апостольскихъ съ самого момента отлученія заботится о томъ, чтобы грѣшникъ какъ можно скорѣе принесъ покаяніе и сдѣлался способнымъ къ возсоединенію съ церковью, памятуя, что Богъ не желаетъ смерти грѣшника, но по изрѣченію апостола Павла (1-е посланіе къ Тимоѳею, II, 4), „всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися, и въ разумъ истины пріити“.

Не можетъ служить также доказательствомъ характера отлученія, какъ наказанія, и то обстоятельство, что при извѣстныхъ условіяхъ отлученіе влекло за собою нравственныя страданія для отлучен-

---

[1]) Можно признать общимъ правиломъ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ членъ какого-нибудь общества подлежитъ исключенію изъ этого общества вслѣдствіе того, что онъ не соединяетъ уже болѣе въ себѣ всѣ условія, наличность которыхъ необходима для принадлежности къ данному обществу, сопряженное съ исключеніемъ лишеніе членскихъ правъ не можетъ быть названо наказаніемъ.

[2]) Это явствуетъ уже изъ того, что во времена апостоловъ отлученіе опредѣлялось не на извѣстный срокъ, а неопредѣленно — до исправленія (сравн 1-е посланіе къ Коринѳ., гл. V).

наго и сознавалось имъ, какъ страданіе. А именно, тотъ взглядъ, по которому причиненіе страданія считается главнымъ содержаніемъ наказанія, признается въ современной наукѣ уголовнаго права не выдерживающимъ критики [1]).

Наконецъ, отлученіе временъ апостольскихъ и потому трудно признать наказаніемъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ употребляется свѣтскимъ правомъ, что посредствомъ его грѣхъ отнюдь не погашается. Прощается и погашается грѣхъ дѣйствіемъ Божественной благодати при дѣйствительномъ обращеніи къ самому источнику искупленія грѣховъ, то-есть, ко Христу, понесшему грѣхи міра.

Все, что̀ только можно допустить на основаніи вышеизложеннаго, это то, что отлученіе можетъ быть названо мѣрой исправленія [2]), и то не прямою, а только косвенною, такъ какъ оно не непосредственно исправляло, а побуждало только къ покаянію и исправленію. Но хотя при наказаніи очень часто преслѣдуются исправительныя цѣли, тѣмъ не менѣе исправленіемъ преступника не исчерпывается ни значеніе, ни цѣль наказанія, а потому признаніе за отлученіемъ характера исправительной мѣры не влечетъ еще за собою признанія за нимъ и характера наказанія

Итакъ, ни покаяніе, ни отлученіе апостольскихъ временъ не могутъ быть признаны наказаніями въ точномъ смыслѣ этого слова. Назывались же они таковыми вслѣдствіе недоразумѣній и невыясненія основнаго значенія наказанія, какъ состоящаго въ лишеніи правъ эквивалента преступленія, налагаемаго на преступника обществомъ въ воздаяніе за преступленіе и погашающаго преступленіе. Изслѣдователи, замѣчая въ отлученіи тотъ или иной признакъ наказанія, признавали отлученіе наказаніемъ, при чемъ ими упускалось изъ виду, что всякое понятіе, а слѣдовательно, и понятіе наказанія, опредѣляется не однимъ какимъ-нибудь признакомъ, а совокупностью всѣхъ признаковъ.

Подобное же воззрѣніе на значеніе покаянія и отлученія встрѣчаемъ у непосредственныхъ преемниковъ апостоловъ. Такъ, въ посланіи Климента Римскаго къ Коринѳянамъ читаемъ слѣдующее: „Обратимъ вниманіе на кровь Христа и познаемъ, сколь драгоцѣнна для Бога эта кровь, которая, будучи пролита нашего ради спасенія, да-

---

[1]) Сравн., напримѣръ, *Heinze.* Strafrechtstheorien und Strafrechtsprincip въ *Holtzendorff's* Handbuch des deutscher Strafrechts. Band I, 321.

[2]) Какъ то, напримѣръ, дѣлаетъ *Doellinger*, Christenthum und Kirche, 349.

ровала благодать покаянія всему міру. Со тщаніемъ разсмотримъ всѣ поколѣнія и убѣдимся, что отъ поколѣнія къ поколѣнію Господь давалъ возможность покаянія всѣмъ желающимъ къ нему обратиться... Желая, чтобы всѣ избранные его сдѣлались участниками покаянія, онъ укрѣпилъ ихъ своею всемогущею волею". Далѣе, въ томъ же посланіи говорится: „И мы также помолимся за тѣхъ, которые впали въ какой нибудь грѣхъ, да дастся имъ воздержаніе и смиреніе, такъ чтобъ они покорились не намъ, но волѣ Божіей" [1]).

Въ предыдущемъ изложеніи указанъ былъ преобладающій характеръ покаянія и отлученія во времена апостольскія. Но этимъ мы вовсе не имѣли намѣренія утверждать, чтобы въ отлученіи и покаяніи не было элементовъ, способныхъ при дальнѣйшемъ развитіи сообщить этимъ институтамъ карательный характеръ, который и развился съ теченіемъ времени, хотя и не пріобрѣлъ того преобладающаго значенія, съ которымъ мы встрѣчаемся впослѣдствіи въ средніе вѣка.

Что касается отлученія, то вопросъ о томъ, когда отлученный грѣшникъ можетъ быть возсоединенъ съ церковью, разрѣшался первоначально не на основаніи какого-нибудь общаго правила о срокахъ отлученія, а самостоятельно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ по тщательномъ соображеніи всѣхъ данныхъ, которыя могли быть представлены въ доказательство обращенія прегрѣшившаго на путь истины. Но, малу по малу для отдѣльныхъ грѣховъ начинаютъ устанавливаться извѣстные опредѣленные сроки отлученія. Правда, при установленіи этихъ сроковъ церковь руководствовалась преимущественно соображеніемъ, что степень торжества грѣховнаго начала надъ началомъ нравственнымъ не одинакова при различныхъ преступленіяхъ, такъ что и для исправленія прегрѣшившаго не всегда требуется одинаковый періодъ времени, — тѣмъ не менѣе самый фактъ опредѣленія сроковъ отлученія, соразмѣряемыхъ съ совершеннымъ прегрѣшеніемъ, облегчалъ переходъ отъ прежняго воззрѣнія на отлученія, какъ на дисциплинарно-исправительную мѣру, къ новому воззрѣнію на оное какъ на наказаніе [2]).

---

[1]) *Mansi*, I, 177, 211.

[2]) Впрочемъ, вполнѣ какъ наказаніе, отлученіе не разсматривалось никогда церковью. Даже впослѣдствіи на западѣ церковь относитъ отлученіе не къ такъ-называемому poenae vindicativae, а къ такъ-называемому poenae medicinales или censurae.

Точно также и въ институтѣ покаянія мы встрѣчаемся съ элементами, которые при дальнѣйшемъ развитіи могли сообщить и въ дѣйствительности сообщили покаянію въ извѣстной степени характеръ наказанія. Мы подразумѣваемъ здѣсь дѣла покаянія, на разсмотрѣніи которыхъ и позволимъ себѣ остановиться нѣсколько долѣе.

Хотя при покаяніи обращалось главное вниманіе на внутреннее нравственное перерожденіе грѣшника, на его раскаяніе и обращеніе ко Христу, но въ то же время предполагалось, что происшедшая внутри человѣка перемѣна выразится и въ его внѣшней дѣятельности. Вотъ почему не упускались изъ виду тѣ благочестивыя упражненія, которыя обыкновенно называются дѣлами покаянія. Сюда относятся молитва, постъ и милостыня. Сами по себѣ, они не имѣютъ значенія и пріобрѣтаютъ оное только въ связи съ внутреннимъ нравственнымъ настроеніемъ [1]). Изъ показаній Евсевія и Климента Александрійскаго узнаемъ, что съ покаяніемъ еще во времени апостольскія соединялись молитва и постъ. А именно, совратившагося съ пути истины и сдѣлавшагося атаманомъ разбойниковъ юношу апостолъ Іоаннъ располагаетъ къ покаянію и примиренію съ церковью посредствомъ того, что молится и постится вмѣстѣ съ нимъ [2]). Равнымъ образомъ, въ апологіи христіанскаго ученія св. Юстинъ говоритъ, что въ его время покаяніе, предшествовавшее крещенію новообращенныхъ, соединялось съ постомъ и молитвою [3]).

Эти благочестивыя упражненія, которыя ожидались отъ лицъ, приносящихъ покаяніе, рекомендовались, кромѣ того, какъ извѣстно, и всѣмъ остальнымъ христіанамъ и въ дѣйствительности практиковались ими. Что молитва, это общеніе съ Богомъ, считалась необходимою съ самаго основанія христіанской церкви, излишне, кажется, доказывать. Равнымъ образомъ несомнѣнно, что, слѣдуя примѣру

---

[1]) Что тотъ формализмъ, который преобладалъ въ ветхозавѣтномъ ученіи о добрыхъ дѣлахъ, и по которому человѣкъ оправдывался дѣлами закона, то-есть, добрыми дѣлами, даже безъ связи съ соотвѣтствующимъ внутреннимъ нравственнымъ настроеніемъ, былъ чуждъ ученію церкви временъ апостольскихъ, видно изъ посланія къ Римлянамъ апостола Павла (III, 28), гдѣ говорится: «Мыслимъ убо вѣрою оправдатися человѣку, безъ дѣлъ закона». Значитъ, только въ связи съ вѣрою добрыя дѣла пріобрѣтали значеніе.

[2]) Eusebii Ecclesiasticae Historiae lib. III cap. XXIV; Clem. Alex. Tractatus «Quis dives salvabitur?», cap. XLII (на Климента Александрійскаго ссылка дѣлается по *Darras*. Histoire générale de l'Eglise, VI, 509. прим. 2).

[3]) *Darras*. Histoire générale de l'Eglise, VII, 167.

Божественнаго основателя христіанской религіи, апостолы и ихъ непосредственные преемники считали постъ необходимымъ для всѣхъ христіанъ во укрощеніе плоти, повинующейся грѣховному закону, сущему во удѣхъ человѣка, и противящейся духу [1]). Весьма вѣроятно, что очень рано, кромѣ добровольно предпринимаемыхъ, установлены были общеобязательные посты [2]). Наконецъ, значеніе милостыни также несомнѣнно въ первоначальной церкви. Господь заповѣдалъ вѣрующимъ вообще любить другъ друга; въ особенности же эта заповѣдь любви относится къ бѣднымъ, помогать которымъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность христіанину [3]). Сознаніе этой первоклассной—если можно такъ выразиться—обязанности ясно высказалось въ памятникахъ первыхъ трехъ вѣковъ христіанства. Подаяніе разсматривается здѣсь не только какъ актъ любви къ ближнему, но и какъ жертва Богу. Жертва эта чужда того формализма, который приданъ ей былъ впослѣдствіи, въ средніе вѣка. Она должно быть добровольною и свидѣтельствовать въ дѣйствительности о чистосердечной любви къ Богу и къ ближнимъ [4]). Милостыня, наконецъ, приводится въ близкую, непосредственную связь съ постомъ. Время поста, по справедливому замѣчанію Бинтерима [5]), должно было быть золотымъ времснемъ для бѣдныхъ. То, чего лишалъ себя богачъ, отдавалось бѣднымъ въ даръ, такъ какъ церковь объявляла постъ безъ милостыни безполезнымъ. Даже простой милостыни было недостаточно, а необходимо было, по воззрѣнію церкви, чтобы богатый въ точности опредѣлилъ, сколько сохранялось вслѣдствіе поста изъ предположеннаго имъ къ ежедневному употребленію количества пищи, и полученную имъ такимъ образомъ экономію отдавалъ бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ [6]).

---

[1]) Ср. Посланіе къ Римлянамъ, XIII, 14, къ Галатамъ V, 17, 24.

[2]) У *Бинтерима* въ его Denkwurdigkeiten der Christkatholischen Kirche. Mainz, 1829. Band V, Theil II, p. 5—6, сведены всѣ мѣста, указывающія на раннее существованіе общеобязательныхъ постовъ.

[3]) Ср. Матѳ., XXV, 34 и слѣд., гдѣ, по справедливому замѣчанію *Деллингера* (Christenthum und Kirche, 404), основаніемъ для оправданія или осужденія въ послѣдній день суда признается оказаніе или не оказаніе милостыни нуждающимся въ настоящей жизни.

[4]) См. статью *Баумгартена* «Armenpflege» въ *Herzog's* Realencyclopaedie für protestantische Theologie und Kirche, I, 512—513.

[5]) *Binterim*, 90.

[6]) Въ такъ-называемомъ Pastor Ермы (Lib. III, similit. V, 1—3) читаемъ Computata quantitate cibi, quem caeteris diebus comesturus es, sumptum diei illius

Итакъ, молитва, постъ и милостыня считались необходимыми для всѣхъ вѣрующихъ вообще, но въ особенности молиться, поститься и подавать милостыню должны были лица, совершившія какой-нибудь грѣхъ и приносящія покаяніе. Этими благочестивыми упражненіями они должны были приготовить себя къ дальнѣйшей борьбѣ съ грѣховнымъ началомъ, противъ силы котораго такъ недавно еще оказалась вполнѣ немощною ихъ воля.

Какія благочестивыя упражненія слѣдовало предпринимать грѣшникамъ, въ первыя времена христіанства въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляла церковь посредствомъ своихъ представителей—епископовъ. Общихъ правилъ первоначально не существовало. Но мало по малу, силой обычая и въ область покаянія вносится извѣстная опредѣленность. Благочестивыя упражненія начинаютъ, если можно такъ выразиться, соразмѣряться съ тѣми грѣхами, въ которыхъ приносится покаяніе. Отсюда до взгляда на благочестивыя покаянныя упражненія, какъ на взысканія, налагаемыя за грѣхъ и въ извѣстной степени служащія къ погашенію грѣха, всего одинъ шагъ. И въ дѣйствительности подобное воззрѣніе уже въ извѣстной степени замѣчается въ упомянутой нами выше апологіи христіанства, составленной св. Юстиномъ. Вотъ относящееся сюда мѣсто о новообращенныхъ: precari et jejunantes priorum peccatorum veniam a Deo detere docentur, nobis una precantibus et jejunantibus [1]).

Только что сказаннымъ мы не намѣрены утверждать, что въ первоначальной церкви отлученіе и покаяніе мало по малу усвоили вполнѣ характеръ наказаній. Мы указываемъ только на то, что уже въ разсматриваемое нами теперь время получили въ извѣстной степени развитіе тѣ элементы упомянутыхъ институтовъ, которые впослѣдствіи въ западной церкви стали преобладающими, что̀ въ свою очередь придало отлученію и покаянію кельтическаго и германскаго церковнаго права характеръ главнымъ образомъ наказанія.

Усиленію карательнаго начала въ институтахъ покаянія и отлученія способствовало также и то обстоятельство, что церковное право христіанской церкви находилось въ близкой связи съ ветхозавѣтнымъ правомъ, а въ отлученіи и покаяніи сего послѣдняго встрѣ-

---

quem facturus eras, repones et dabis viduae, pupillo aut inopi. Si igitur sic consummaveris jejunium tuum .. erit hostia accepta Domino et scribetur hoc jejunium tuum. Ср. также *Binterim*, 91.

[1]) Apologia, I, cap. 61.

чается много такихъ чертъ, которыя приближаютъ эти институты къ типу скорѣе наказаній, чѣмъ исправительныхъ мѣръ. Въ особенности ветхозавѣтное отлученіе являетъ всѣ признаки наказанія. Оно можетъ быть сравнено съ sacratio capitis древне-римскаго права, такъ какъ отлученный объявлялся внѣ закона и подлежалъ смерти [1]), а имущество его конфисковалось. Равнымъ образомъ и ветхозавѣтное покаяніе облечено, хотя и въ меньшей степени чѣмъ отлученіе, характеромъ наказанія. А именно, хотя въ Св. Писаніи ветхаго завѣта и не упускается никогда изъ виду внутренній моментъ покаянія [2]), тѣмъ не менѣе весьма важное значеніе придается и внѣшнему моменту, что въ дѣйствительномъ примѣненіи неоспоримо должно было сообщать покаянію характеръ кары, налагаемой въ воздаяніе за грѣхъ и погашающей въ извѣстной степени сей послѣдній.

Указавъ, такимъ образомъ, исходныя точки развитія системы каръ и покаяній церковнаго права, мы переходимъ къ болѣе подробному изслѣдованію самаго процесса этого развитія по памятникамъ первыхъ пяти вѣковъ христіанства.

Первый изъ древнихъ памятниковъ церковнаго права, въ которомъ подробно излагается первоначальная церковная дисциплина, это такъ-называемыя Апостольскія постановленія или заповѣди, окончательная редакція которыхъ, какъ опредѣлено новѣйшими изслѣдованіями, относится къ срединѣ III вѣка [3]), но отдѣльныя положенія которыхъ несомнѣнно возникли гораздо ранѣе [4]). Въ этихъ Апостольскихъ по-

---

[1]) Левит. 27, 29. Срав. *Rutschi.* Bann bei den Hebraeern въ *Herzog's* Encyclopaedie, I, 677, а въ русской литературѣ—*Н. Суворовъ* О церковныхъ наказаніяхъ, 48.

[2]) Ср мѣста Св. Писанія ветхаго завѣта, которыя приводитъ *Ланге* въ статьѣ «Busse» въ *Herzog's* Encyclopaedie, II, 469.

[3]) То-есть, окончательная редакція первыхъ шести книгъ. Книги седьмая и восьмая составляютъ, согласно новѣйшимъ изслѣдованіямъ, самостоятельные сборники и возникли въ началѣ IV вѣка. Относительно постановленій апостольскихъ срав. *Richter*, Lehrbuch des Kircherechts. Achte Auflage bearbeitet von *Dove*, 43 и сл. и приведенныя тамъ сочиненія. Основы этихъ постановленій *Pressensé* (La vie des Chrétiens au 2-me et 3-me siècles, 2, note 1) относитъ къ первому вѣку.

[4]) Несомнѣнно, что основа апостольскихъ правилъ искажена была еретиками, почему собраніе этихъ правилъ и отвергнуто церковью на Трулльскомъ соборѣ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы не могли пользоваться этимъ памятникомъ для изученія церковной дисциплины во второмъ и третьемъ вѣкахъ, ибо, вопервыхъ, искаженія сдѣланы такъ, что они легко могутъ быть замѣчены и отличены отъ первоначальнаго текста, какъ это, напримѣръ, сдѣлано

становленіяхъ преобладающій характеръ, какъ отлученія, такъ и покаянія, все тотъ же, съ которымъ мы познакомились выше, но въ то же самое время и тѣ второстепенные элементы, дальнѣйшее развитіе которыхъ сообщило впослѣдствіи отлученію и покаянію характеръ наказаній, пріобрѣтаютъ большее значеніе, чѣмъ въ первый вѣкъ христіанства.

Положеніе отлученныхъ, не принесшихъ покаянія, прямо сравнивается съ положеніемъ язычниковъ, а положеніе отлученныхъ, желающихъ покаяться.—съ положеніемъ такъ-называемыхъ оглашенныхъ. Согласно этому, и отношеніе вѣрующихъ къ отлученнымъ опредѣляется такъ, какъ опредѣляется ихъ отношеніе къ язычникамъ Подобно тому, какъ язычники, желающіе войдти въ церковь, входятъ въ нее при посредствѣ покаянія и крещенія, отлученные грѣшники, желающіе возсоединиться съ церковью, возсоединяются съ нею путемъ покаянія и разрѣшенія, даваемаго самою церковью посредствомъ представителей ея, то-есть, епископовъ [1]). Въ силу этихъ соображеній самый актъ разрѣшенія посредствомъ наложенія рукъ сравнивается съ крещеніемъ [2]). Значитъ, и въ постановленіяхъ апостольскихъ отлученіе имѣетъ главнымъ образомъ значеніе только торжественнаго заявленія, что содѣлавшій грѣхъ поставилъ, такъ-сказать, самъ себя внѣ общенія съ церковью, и что принятіе его въ лоно церкви возможно только тогда, когда онъ покаяніемъ докажетъ, что снова дѣйствительно обратился на путь истины. Карательный элементъ здѣсь очень слабо развитъ. Это видно и изъ того, что принесшій покаяніе грѣшникъ не принимается тотчасъ въ полное общеніе съ церковью только потому, что церковь считаетъ необходимымъ истеченіе извѣстнаго срока, чтобъ убѣдиться, что онъ дѣйствительно сознадъ грѣховность своихъ дѣяній и дѣйствительно возъимѣлъ твердое намѣреніе не грѣшить болѣе, а не потому, что онъ не отбылъ еще присужденнаго ему наказанія. Повсюду вмѣняется епископу въ обязанность, какъ только онъ имѣлъ случай убѣдиться въ дѣйствительности покаянія, возсоединять кающихся [3]); повсюду за отказъ

Бунзеномъ во второмъ томѣ его «Analecta antenicaenna», а вовторыхъ, эти искаженія относятся главнымъ образомъ къ догматической и обрядовой частямъ постановленій, а не къ тѣмъ отдѣламъ, которые трактуютъ о дисциплинѣ.

[1]) Въ подтвержденіе высказаннаго въ текстѣ мнѣнія могутъ быть указаны нѣкоторыя мѣста постановленій, а именно: Const. lib. II, cc. 38, 39, 41.

[2]) Const. Liber II, cap. 41.

[3]) Τοὺς μετανοοῦντας προσδέχου· ὅτι Κύριος ὁ Θεὸς μετα ὅρκου ἐπηγγείλατο

принять кающихся въ общеніе съ церковью, ему угрожается судомъ Божіимъ [1]), такъ какъ не пріемлющіе кающихся гнѣвятъ Бога [2]). Наконецъ, отлученіе не влекло за собою прекращенія всякаго общенія между отлученнымъ съ одной стороны и вѣрующими съ другой: прекращалось только общеніе церковное. Что общеніе въ прочихъ отношеніяхъ не только не воспрещалось, но даже одобрялось въ видахъ исправленія грѣшника, видно изъ слѣдующаго мѣста постановленій апостольскихъ (Lib. II, cap 14): „Итакъ, принимай безъ сомнѣнія кающихся, и да не будутъ тебѣ въ этомъ помѣхой тѣ, которые безъ милости утверждаютъ, что не слѣдуетъ осквернять себя общеніемъ съ грѣшниками и бесѣдою съ ними. Таково мнѣніе не вѣдающихъ Бога и Божественнаго Промысла, судей, лишенныхъ разума, лютыхъ звѣрей: не понимаютъ убо, что слѣдуетъ избѣгать общенія съ грѣшниками въ ихъ злыхъ дѣлахъ, а не въ бесѣдахъ съ ними". Да и въ дѣйствительности, какимъ образомъ стала бы церковь воспрещать вѣрующимъ общеніе съ грѣшниками во всѣхъ отношеніяхъ, когда она всѣмъ и каждому совѣтовала вразумлять и обращать прегрѣшающихъ, а епископомъ вмѣняла даже это въ особую обязанность [3]).

Но хотя такимъ образомъ карательный элементъ весьма слабо развитъ въ Апостольскихъ постановленіяхъ, онъ все таки имѣетъ здѣсь гораздо большее значеніе, чѣмъ въ первый вѣкъ христіанства. А именно, хотя церковь и признаетъ, что ни одна изъ дисциплинарно-исправительныхъ мѣръ, примѣняемыхъ при покаяніи, не можетъ въ сущности быть признана даже относительно эквивалентомъ грѣховнаго дѣянія, и будучи примѣнена, погашать сіе послѣднее, хотя она, далѣе, прямо высказываетъ то мнѣніе, что, собственно говоря, грѣхи человѣческіе столь велики, что соразмѣрнаго наказанія, кромѣ вѣчнаго осужденія, нельзя въ сущности для нихъ найдти [4]),—тѣмъ не менѣе она все-таки

ἄφεσιν παρασχεῖν τοῖς μετανοοῦσιν ἐφ' οἷς ἥμαρτον. Const. liber II, cap. 12. Сравн. также Lib. II, cap 14 и 15 Въ семъ послѣднемъ мѣстѣ указывается на то, что самъ Господь черезъ пророка (Исаія XI, 1) взываетъ ко епископамъ «Παρακαλεῖτε, παρακαλεῖτε τον λαόν μου, ιερεῖς», а поэтому они должны охотно воссоединять кающихся.

[1]) Const. lib. II, cap 21. Ωσαύτως καὶ ὁ μὴ προσδεχόμενος τοὺς μετανοοῦντας σκορπίζει τα τοῦ χριστοῦ, κατ' αὐτοῦ γινόμενος.

[2]) Lib. II, cap. 24.

[3]) Lib II, cap. 40.

[4]) Сравн. молитву въ главѣ 22 книги II Апост. постановленій. По смыслу

стремится внести извѣстную соразмѣрность въ свою систему покаяній. „Также и мы должны“ — читается въ главѣ 16-й книги II-й Апостольскихъ постановленій — кающихся въ грѣхахъ отлучать на извѣстное, опредѣленное соразмѣрно съ содѣянными грѣхами время, а затѣмъ въ дѣйствительности раскаявшихся принимать въ общеніе, подобно тому, какъ дѣлаютъ это отцы съ сыновьями“. Это стремленіе соразмѣрить покаяніе съ степенью грѣховности того или другого провинившагося члена церкви еще опредѣленнѣе высказалось въ главѣ 4-й книги второй Апостольскихъ постановленій. „И ты“ — читаемъ здѣсь — „подобно соболѣзнующему медику, врачуй всѣхъ грѣшниковъ, прибѣгая для этого къ цѣлебнымъ и пригоднымъ для помощи средствамъ, и не только вырѣзывая и выжигая или примѣняя сухія и ѣдкія средства, но и перевязывая раны, покрывая ихъ мазью, налагая на нихъ мягчительныя лѣкарства, отъ которыхъ закрываются язвы, и все орошая словами утѣшенія. Далѣе, если рана зіяющая, то наполни ее благоуханнымъ пластыремъ, да сравняется она, исполнившись мяса, съ остальными неповрежденными частями. Если же въ ней накопились нечистоты, то очисти ее ѣдкимъ порошкомъ, то-есть, укоризненными словами, а если она вспухнетъ, то разотри ее разбивающею мазью, угрозой суда. Будетъ ли распространяться язва, прижги ее и вырѣжь гнилое, смиряя постомъ“. Здѣсь, противъ различныхъ прегрѣшеній рекомендуются исправительныя мѣры, отличныя одна отъ другой не только количественно, то-есть, относительно срока но и качественно. Наконецъ, въ случаѣ неудачи всѣхъ этихъ мѣръ, примѣняется высшая дисциплинарно-исправительная мѣра, отлученіе. „Если ты все это сдѣлаешь“—читаемъ далѣе—„и убѣдишься, что ничего не поможетъ—ни наложеніе припарокъ и перевязокъ, ни смазываніе елеемъ съ головы до ногъ, но что язва расширяется и предупреждаетъ дѣйствіе врачебныхъ средствъ, подобно гангренѣ, въ тлѣніе обращающей всѣ члены тѣла, тогда, по зрѣломъ разсужденіи и послѣ совѣщанія съ приглашенными тобою другими добросовѣстными медиками, отрѣжь согнившій членъ, да не испортится все тѣло церкви“. Въ самомъ отлученіи апостольскія постановленія различаютъ нѣсколько степеней, при назначеніи которыхъ принималась во вниманіе важность содѣяннаго прегрѣшенія. А именно, отлученному, желавшему покаяться, назначался, соразмѣрно съ учиненнымъ имъ

этой молитвы, грѣхи погашаются не наказаніемъ, а дѣйствіемъ Божественной благодати

грѣховнымъ дѣяніемъ (κατὰ τὸ ἁμάρτημα), извѣстный срокъ, въ теченіе котораго онъ смирялся постомъ и пребывалъ внѣ общенія съ церковью [1])

Установленіе подобной соразмѣрности, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи между грѣховнымъ дѣяніемъ и реакціей противъ онаго несомнѣнно должно было сообщить самимъ мѣрамъ реакціи извѣстный карательный оттѣнокъ, приблизить ихъ къ типу наказаній. Вотъ почему, какъ отлученіе, такъ и покаяніе, представляютъ во второмъ и третьемъ вѣкѣ, то-есть, во времена составленія такъ-называемыхъ Апостольскихъ правилъ, гораздо болѣе признаковъ наказанія, нежели во времена апостольскія, чѣмъ, въ свою очередь, и объясняется то обстоятельство, что для обозначенія ихъ начинаютъ иногда употребляться термины, указывающіе на извѣстный карательный характеръ [2]).

Усиленіе карательнаго элемента въ мѣрахъ реакціи противъ грѣховныхъ дѣлъ объясняется также совершившимся въ разсматриваемое время приведеніемъ въ непосредственную связь покаянной системы церкви съ ветхозавѣтною карательною и покаянною системою. Что подобная связь въ дѣйствительности была установлена между обѣими только что указанными системами явствуетъ изъ главы 48-й книги II Апостольскихъ постановленій, гдѣ, между прочимъ, предписывается епископамъ слѣдующее: „Однакожь, не произносите относительно различныхъ грѣховъ одинаковаго приговора, но относительно каждаго приличествующій оному, съ великою осторожностью разсуждая объ отдѣльныхъ грѣхахъ, малы ли они или велики. Итакъ, иначе судите о грѣхѣ дѣломъ, чѣмъ о грѣхѣ словомъ, еще иначе о грѣховномъ намѣреніи, о ругательствѣ или о подозрѣніи въ грѣхѣ. А именно, однихъ смиряйте простою угрозою, другихъ—милостынью бѣднымъ, третьихъ—постомъ, и наконецъ, четвертыхъ, въ виду важности преступленія, отлучайте отъ общенія съ вѣрными. Также и законъ [3]) не всѣ грѣхи обложилъ одинаковымъ наказаніемъ, но назначилъ иныя наказанія за преступленія противъ Бога, противъ жреца, противъ храма и противъ святилища, иныя—за преступленія противъ царя, противъ князя, противъ воина и противъ поддан-

[1]) Ср. главу 16 ю книги II-й Апостольскихъ постановленій. Срокъ отлученія разнился, смотря по прегрѣшенію, отъ двухъ до семи недѣль.

[2]) Такъ напримѣръ, въ главѣ 46-й книги второй читаемъ.... ὁ οὐ καταγινωσκόμενος ἐπιτιμάσθω, ἀφοριζεσθω, δίκην τῆς μισαδελφίας τινυσθω.

[3]) Подъ словомъ «законъ» здѣсь подразумѣвается ветхозавѣтный законъ.

наго, противъ равнаго и противъ слуги, противъ имущества и противъ скота, еще иныя — за преступленія противъ родителей и родичей, за преступленія вольныя и невольныя, а именно—иныхъ законъ наказывалъ смертью, распятіемъ или побіеніемъ камнями, иныхъ денежными наказаніями, побоями или причиненіемъ виновному того же, что̀ онъ учинилъ потерпѣвшему". Наконецъ, есть мѣста въ Апостольскихъ постановленіяхъ, гдѣ объ отдѣльныхъ покаянныхъ дѣйствіяхъ говорится прямо словами Св. Писанія ветхаго завѣта. Такъ, въ главѣ 35-й книги II-й встрѣчаемъ ссылку на изрѣченіе притчей Соломона (XV, 27). „Милостынями и вѣрою очищаются грѣхи". Само собою разумѣется, что въ такихъ случаяхъ самому покаянному дѣйствію приписывался ветхозавѣтный характеръ искупительнаго дѣйствія, погашающаго грѣхъ, то-есть, въ извѣстной степени характеръ покаянія.

Впрочемъ,—и на это мы позволимъ себѣ еще разъ обратить вниманіе читателя — все указанное выше придало только отлученію и покаянію нѣкоторыя черты, приближающія ихъ къ типу наказаній, но не видоизмѣнило кореннымъ образомъ ихъ характера, то-есть, не превратило ихъ въ дѣйствительныя наказанія, во всемъ подобныя наказаніямъ свѣтскаго права. По прежнему грѣхъ погашался не отбытіемъ срока отлученія или совершеніемъ извѣстныхъ покаянныхъ дѣйствій, а дѣйствіемъ божественной благодати, участникомъ которой кающійся становился только посредствомъ дѣйствительнаго раскаянія [1]). Сіе послѣднее давало возможность прощенія самыхъ тяжкихъ грѣховъ. Это не разъ высказывается въ Апостольскихъ постановленіяхъ [2]), при чемъ въ доказательство правильности подобнаго воззрѣнія приводится примѣръ прощенія св. апостолу Петру его трое-

---

[1]) Епископъ долженъ былъ, въ случаѣ желанія отлученнаго быть принятымъ снова въ лоно церкви, прежде всего удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ раскаялся, и можетъ ли онъ вообще быть принятъ въ общеніе съ вѣрующими. Только убѣдившись въ дѣйствительности раскаянія, епископъ приступаетъ къ назначенію срока, по истеченіи котораго отлученный можетъ быть возсоединенъ съ церковью Сравн. Const. Lib. II, cap. 16. Τότε συ κελεύσεις εἰσελθεῖν αὐτόν· καὶ ἀναχρίνας εἰ μετανοεῖ καὶ ἄξιος ἐστιν εἰς ἐκκλησίαν ὅλως παραδεχθῆναι ...

[2]) Ср. Const. Lib. II Cap, 22 Ἠκούσατε, τέκνα ποθητὰ ἡμῶν, ὅπως Κύριος ὁ Θεὸς τοῖς εἰδώλοις προσανασχόντα καὶπολλοὺς ἀθώους φονεύσαντα, βραχέως τιμωρησάμενος μεταγνόντα προσελάβετο, και ἀφεὶς αὐτῷ τὰ πγημμελήματα ἐπεστρεψεν αὐτὸν ἐπὶ τὴν βασιλείαν οὐ μόνον γὰρ ἀφίησι μετανοοῦσιν, ἀλλὰ καὶ εἰς τὴν προτέραν ἀξίαν αὐτοὺς επαναγει.

кратнаго отрѣченія отъ Іисуса Христа. „И Петра"—читаемъ въ главѣ 24-й книги II-й,—„троекратно изъ страха отрекшагося отъ Него, но потомъ умилостивившаго его покаяніемъ и горькими слезами, принялъ Онъ снова въ свои объятія и учинилъ пастыремъ своихъ овецъ".

Только что высказанному мнѣнію какъ бы противорѣчитъ глава 43-я книги II-й Апостольскихъ постановленій, согласно которой лицо, виновное во второй разъ въ ложномъ доносѣ на брата, окончательно, то-есть, навсегда, отлучается отъ церкви. Но противорѣчіе это только кажущееся: при болѣе близкомъ знакомствѣ съ указаннымъ мѣстомъ оно устраняется само собою. Дѣло въ томъ, что учинившій ложный доносъ во второй разъ отлучается отъ церкви навсегда только потому, что онъ не можетъ представить церкви достаточныхъ гарантій дѣйствительности своего раскаянія. И въ самомъ дѣлѣ, какъ могла церковь довѣрять учинившему ложный доносъ во второй разъ, когда онъ цѣлымъ рядомъ лживыхъ поступковъ вполнѣ доказалъ, что истины въ немъ нѣтъ. Давъ впервые ложное показаніе, онъ былъ уже разъ по этому случаю отлученъ, затѣмъ ложно заявилъ, что кается въ своемъ прегрѣшеніи, и наконецъ, вновь ложно свидѣтельствовалъ на брата своего. Церковь, не будучи въ состояніи провѣрить искренность приносимаго имъ раскаянія, признавала невозможнымъ возобновить общеніе съ нимъ, тѣмъ болѣе, что отъ такихъ доносчиковъ въ церкви чинилась смута великая [1]).

Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду и то обстоятельство, что только что приведенное положеніе Апостольскихъ постановленій объ отлученіи навсегда совершившаго ложный донесъ во второй разъ, по всей вѣроятности, не входило въ составъ первоначальнаго сборника и возникло во времена составленія послѣдней редакціи Апостольскихъ постановленій подъ вліяніемъ новыхъ взглядовъ на отлученіе и покаяніе, проявившихся въ церкви въ концѣ II и началѣ III столѣтія.

Таково ученіе объ отлученіи и покаяніи въ такъ-называемыхъ Апостольскихъ постановленіяхъ, сборникѣ церковнаго права, главныя положенія котораго возникли въ концѣ I и въ теченіе II столѣтія.

Въ концѣ II вѣка и въ III вѣкѣ мы встрѣчаемся съ болѣе строгимъ

---

[1]) Про ложнаго доносчика апостольскія постановленія въ указанномъ въ текстѣ мѣстѣ выражаются слѣдующимъ образомъ: ὡς ἂν κεχειροτονημένος ὑπο τοῦ διαβόλου σκυβαλίζειν τὴν ἐκκλησίαν διὰ βλασφημιῶν καὶ πολλῆς ἀκαταστασίας καὶ ἔριδος καὶ διχοστασιας.

отношеніемъ церкви къ прегрѣшеніямъ ея членовъ, что естественно должно было, еще болѣе усилить карательный элементъ въ мѣрахъ реакціи противъ грѣха.

Это болѣе строгое отношеніе выразилось прежде всего въ томъ, что церковь стала смотрѣть иначе на прегрѣшенія, совершенныя ея членами, чѣмъ на таковыя же, въ которыхъ провинились такъ-называемые оглашенные до принятія ими св. крещенія. Прегрѣшенія оглашенныхъ не могли быть вмѣнены имъ въ такой же степени въ вину, въ какой вмѣнялись вѣрнымъ совершенныя ими грѣховныя дѣла. Оглашенные не возродились еще духомъ, пребывали еще внѣ божественной благодати, а потому и не могли, даже при полномъ желаніи, вести вполнѣ успѣшную борьбу съ грѣхомъ. Далѣе, не будучи членами церкви, они и не могли ни въ какомъ случаѣ подлежать ея дисциплинарной власти за нарушеніе ея правилъ и постановленій. Слѣдовательно, покаянію оглашенныхъ ни какимъ образомъ не могъ быть приданъ карательный характеръ. И дѣйствительно, покаяніе оглашенныхъ продолжало разсматриваться и въ то время, о которомъ идетъ теперь рѣчь, точно также, какъ оно разсматривалось во времена апостольскія, то есть, исключительно только какъ способъ укрѣпить въ кающемся намѣреніе отречься отъ царства діавола и обратиться къ Богу. Оглашеннымъ покаяніе не опредѣлялось церковью за отдѣльные грѣхи, а рекомендовалось только вообще въ виду ихъ прежней грѣховной жизни [1]). Совсѣмъ иное—вѣрующіе Они не могли оправдываться невѣдѣніемъ и безпомощностью, такъ какъ были просвѣщены свѣтомъ ученія Христа, и сдѣлавшись членами его церкви, стали участниками божественной благодати, съ помощью которой они, при желаніи съ ихъ стороны, могли бы воздержаться отъ грѣха [2]). Вотъ почему церковь признаетъ возможнымъ полное вмѣненіе имъ въ вину содѣянныхъ ими тяжкихъ прегрѣшеній. Она считаетъ ихъ духовно умершими и снова принимаетъ въ общеніе съ собою только въ томъ случаѣ, когда они, по выраженію Оригена, какъ бы воскреснувъ изъ мертвыхъ, достаточно докажутъ происшедшее въ нихъ нравственное перерожденіе [3]). При этомъ отпавшимъ и

---

[1]) Ср. *Justi Henningi Boehmeri* Dissertationes juris ecclesiastici. Lipsiae, 1711, p. 129 seqq.

[2]) Tertullianus. De poenitentia, c. 5. Iam quidem nullum ignorantiae praetextum tibi patrocinatur, quod domino agnito, praeceptisque ejus admissis . . . rursus te in delicta restituis.

[3]) Origines l. III adv. Cels., c. 51. . . ac rursum resipiscentes haud secus

отлученнымъ церковь назначаетъ гораздо болѣе продолжительный періодъ испытанія, чѣмъ оглашеннымъ. Впрочемъ, и послѣ подобнаго болѣе строгаго и болѣе продолжительнаго испытанія, отпавшіе и отлученные не возстановлялись въ полнотѣ церковныхъ правъ. Церковь лишала ихъ навсегда права занимать церковныя должности [1]).

Подобное различеніе прегрѣшеній оглашенныхъ отъ прегрѣшеній членовъ церкви, а слѣдовательно, и покаянія оглашенныхъ отъ покаянія содѣявшихъ грѣховныя дѣянія членовъ церкви [2]), возможно было только въ такое время, когда совершилась уже окончательная организація, какъ отдѣльныхъ церковныхъ обществъ, такъ и всей церкви въ ея совокупности. И дѣйствительно, разсматриваемое время было такимъ временемъ, когда отдѣльныя христіанскія общины окончательно организовались, а между ними установилась прочная связь [3]). Въ виду этого извѣстныя грѣховныя дѣянія, совершаемыя членами церкви, стали разсматриваться не только какъ нарушенія нравственнаго порядка, установленнаго Богомъ, но и какънарушенія внѣшняго правоваго, если можно такъ выразиться, порядка церкви. Поэтому и въ реакціи противъ этихъ нарушеній правоваго порядка церкви, или церковныхъ преступленій, получаетъ большее, сравнительно съ прежнимъ, значеніе внѣшній, формальный, карательный элементъ. Совершившій тяжкое грѣховное дѣяніе членъ церкви подвергается дисциплинарно-исправительнымъ мѣрамъ не только съ цѣлію побудить его къ раскаянію и примиренію съ Богомъ, но и съ цѣлію дать удовлетвореніе возмущенному чувству справедливости церковнаго общества, требующему извѣстнаго, соразмѣреннаго съ преступнымъ дѣяніемъ, воздаянія за оное [4]). Мало по малу и относительно Бога покаяніе стало разсматриваться, какъ удовлетвореніе, приносимое Богу за совершенный грѣхъ [5]).

---

quam redivivos recipiunt tandem, post largiorem melioris mentis approbationem, quam quum primum ad religionem discendam admitterentur. Ср. *Neander*. Geschichte der christl. Religion, 299; *Boehmeri* Dissertationes 111.

[1]) Origines l. c. Отпавшіе и отлученные воссоединяются только «ea conditione, ut quoniam lapsi sunt; excludantur in posterum ab omnibus dignitatibus et magistratibus ecclesiasticis.

[2]) Мы говоримъ о различіи *по существу* двухъ указанныхъ въ текстѣ видовъ покаянія, такъ какъ по формѣ они мало чѣмъ различались другъ отъ друга.

[3]) Ср. *Herzog*. Abriss der gesammten Kirchengeschichte, I, 152—162.

[4]) Ср. *Binterim*. Denkwürdigkeiten, Band V, Theil II, 243.

[5]) Тертулліанъ называетъ исповѣдь «satisfactionis consilium» и признаетъ,

Что при сужденіи о степени важности грѣховнаго дѣянія играло немаловажную роль соображеніе о томъ, на сколько этимъ дѣяніемъ нарушался внѣшній правовой порядокъ церкви, видно также и изъ дѣленія всѣхъ грѣховныхъ дѣяній на явныя и не явныя. Явныя производили смуту въ церкви и служили соблазномъ для остальныхъ членовъ церковнаго общества, представляя собою примѣръ открытаго неповиновенія правиламъ и постановленіямъ, на которыхъ покоилась вся организація церковнаго общества. Вотъ почему къ нимъ преимущественно стало примѣняться торжественное отлученіе и публичное покаяніе [1]). Напротивъ того, грѣхи, тайно совершаемые, не нарушали внѣшняго церковнаго порядка и не имѣли своимъ послѣдствіемъ смуту въ церкви и соблазнъ для остальныхъ вѣрующихъ. Ими нарушалось преимущественно только нравственное единеніе прегрѣшающаго съ Богомъ, а потому отъ провинившихся тайно и не требовалось публичной исповѣди и публичнаго покаянія, а требовались только тайная исповѣдь и частное покаяніе [2]). Правда, тайно прегрѣшившій могъ самъ заявить о своемъ проступкѣ и такимъ образомъ придать своему тайному прегрѣшенію публичный характеръ[3]), но этого отъ него не требовалось, и церковь не производила ex officio слѣдствія о тайныхъ прегрѣшеніяхъ [4]).

Установленіе дѣленія грѣховныхъ дѣяній на явныя и не явныя видоизмѣнило, такимъ образомъ, и покаянную систему первоначальной церкви. Отлученіе и публичное покаяніе, примѣняясь церковно ex officio только къ явнымъ грѣхамъ, стали разсматриваться не только какъ способы побудить прегрѣшающаго къ исправленію, рас-

---

что «satisfactio confessione disponitur, confessione, poenitentia deus mitigatur» (*Binterim.* Denkwurdigkeiten, 244). Не безъ основанія думаютъ нѣкоторые изслѣдователи, что у Тертуллиана взглядъ на покаяніе какъ на «satisfactio», выработался вслѣдствіе его прежнихъ занятій юриспруденціей. Сравн. въ этомъ отношеніи *Neander* Allg. Geschichte der christl. Religion, I, 280, прим. 4.

[1]) Origines. Comment. in Matth., c. 89: Propter hoc enim et in ecclesiis consuetudo tenuit talis, ut qui manifesti sunt in magnis delictis, ejiciantur ab oratioui communi . . .

[2]) Origines. Hom. II in Levit., c. 4 Ср также *Binterim.* Denkwurdigkeiten, 218.

[3]) Origines. Hom. II c. 6 in Psalm. 37. Ср. *Loening* Geschichte des deutschen Kirchenrechts, I, 258.

[4]) Origines. Hom. 21 in Libr. Jesu nave, c 1. Ubi enim peccatum non est evidens, ejicere de ecclesia neminem possumus, ne forte eradicantes zizania eradicemus simul cum ipsis etiam triticum.

каянію и примиренію съ Богомъ, но и какъ церковныя взысканія или наказанія. Въ отличіе же отъ отлученія и публичнаго покаянія частному покаянію присущъ былъ карательный характеръ въ весьма слабой степени: оно почти исключительно разсматривалось какъ средство, помогающее прегрѣшившему исправиться и примириться съ Богомъ [1]).

Видоизмѣненію основъ покаянной системы первоначальной церкви способствовало равнымъ образомъ и дѣленіе грѣховныхъ дѣяній на болѣе и менѣе тяжкія, пріобрѣтающее въ разсматриваемое время все большее и большее значеніе.

Основанія подобнаго дѣленія находимъ уже у Ермы (Pastor, libr. III Simil. 8. 9). Онъ раздѣляетъ всѣ грѣхи на такіе, которые могутъ быть прощены, и на такіе, которые не допускаютъ прощенія. Къ послѣдней категоріи онъ относитъ хулу на Бога и отпаденіе отъ христіанства, въ томъ случаѣ, если эти грѣховныя дѣянія совершены добровольно, а не въ силу внѣшняго принужденія. Въ свою очередь грѣхи, допускающіе прощеніе, распадаются на тяжкіе и не тяжкіе (non gravia, levia, exiguitates). Различіе между ними опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что тяжкіе грѣхи имѣютъ своимъ послѣдствіемъ нарушеніе непосредственной связи между Богомъ и человѣкомъ, а не тяжкіе грѣхи не влекутъ за собою такого послѣдствія [2]). Оригенъ также различаетъ тяжкія и не тяжкія грѣховныя дѣянія, при чемъ замѣчаетъ, что церковь не одинаково относится къ этимъ двумъ различнымъ по существу видамъ грѣховъ [3]). Но подробное ученіе о различіи между тяжкими и не тяжкими прегрѣшеніями мы находимъ впервые въ сочиненіи Тертулліана „de pudicitia“, написанномъ имъ тогда, когда онъ присоединился къ монтанизму [4]). Къ

---

[1]) Origines Hom. II, cap. 6. in Psalm. 37. Hi qui peccaverunt, si quidem occultant et retinent intra se peccatum, intrinsecus urgentur... Tantummodo circumspice diligentius, cui debeas confiteri peccatum tuum, proba prius medicum, cui debeas causam languoris exponere, qui sciat infirmari cum infirmante, flere cum flente, qui condolendi et compatiendi noverit disciplinam, ut ita demum, si quid ille dixerit, qui se prius eruditum medicum ostenderit et misericordem, si quid consilii dederit, facias et sequaris. Принимающій исповѣдь и предлагающій видъ покаянія сравнивается здѣсь съ врачемъ, а не съ судьей.

[2]) *Franck.* Bussdisciplin, 420.

[3]) Origines Hom. 15 in Levit, c. 2. In gravioribus criminibus semel tantum vel raro poenitentiae. Conceditur locus: ista vera communia, quae frequenter incurrimus, semper poenitentiam recipiunt et sine intermissione redimuntur.

[4]) Отклоненіе отъ общ-церковнаго воззрѣнія въ сочиненіи «de pudicitia»

тяжкимъ прегрѣшеніямъ, которыя, по мнѣнію Тертулліана, не могутъ быть прощены, относятся такія, которыя обличаютъ особую грѣховность воли въ совершившихъ оныя. Сюда относятся убійство, идолослуженіе, обманъ, отрицаніе истины вѣры, богохульство, прелюбодѣяніе, блудъ и остальные плотскіе грѣхи (et si qua alia violatio templi Dei). Имъ противополагаются такъ-наз. delicta quotidianae incursionis, которымъ по слабости своей подтвержены всѣ люди. Если бы за сіи послѣдніе грѣхи не допускалось прощеніе, то никто не могъ бы спастись (De pudicitia. Cap. 2). Это дѣленіе на тяжкіе и не тяжкіе грѣхи имѣло значеніе для дальнѣйшаго развитія покаянной системы первоначальной церкви въ томъ отношеніи, что тяжкіе грѣхи были признаны подлежащими церковной карѣ, а не тяжкіе—мѣрамъ исправленія [1]). Въ силу этого нѣкоторые виды церковной реакціи противъ грѣховныхъ дѣлъ начинаютъ разсматриваться преимущественно какъ наказанія, между тѣмъ какъ въ другихъ по прежнему остается преобладающимъ характеръ мѣръ исправительныхъ.

Карательный элементъ въ нѣкоторыхъ мѣрахъ церковной реакціи, назначаемыхъ за такъ-называемые тяжкіе или смертные грѣхи, доведенъ былъ въ нѣкоторыхъ христіанскихъ сектахъ и въ нѣкоторыхъ церковныхъ обществахъ, не отпавшихъ отъ единенія со вселенскою церковью [2]), до крайнихъ предѣловъ [3]). Совершившій тяжкій или смертный грѣхъ послѣ крещенія отлучался навсегда отъ церкви и даже на смертномъ одрѣ не могъ быть принятъ въ церковное общеніе.

заключается не въ признаніи однихъ грѣховъ тяжкими, а другихъ не тяжкими, и въ требованіи для первыхъ кары, а для послѣднихъ только исправительныхъ мѣръ, но въ установленіи такой суровой кары, которая считалась церковью несовмѣстною съ безконечнымъ милосердіемъ Божіимъ.

[1]) Сравн. указанное въ текстѣ мѣсто изъ сочиненія Тертулліана: Alia erunt remissibil a, alia irremissibilia, secundum quod nemini dubium est, alia castigationem mereri, alia damnationem. Omne delictum aut venia dispungit aut poena: venia ex castigatione, poena ex damnatione.

[2]) Признаніе необходимости отлученія навсегда за совершеніе тяжкаго или смертнаго грѣха не считалось такимъ уклоненіемъ отъ вселенскаго ученія, которое влекло бы за собою обвиненіе въ ереси и имѣло бы своимъ послѣдствіемъ схизму. Объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ Кипріанъ. Epistol. 52, 21: Et quidem apud antecessores nostros quidam de episcopis... in totum poenitentiae locum contra adulteria clauserunt. Non tamen a coepiscoporum suorum collegio recesserunt... ut quia apud alteros adulteris pax dabatur, qui non dabat de ecclesia separaretur.

[3]) Отлученіе навсегда теряетъ характеръ исправительной мѣры и сохраняетъ только характеръ кары.

Подобное усиленіе карательнаго элемента грозило полнымъ уничтоженіемъ первоначальнаго значенія отлученія и покаянія, какъ мѣръ, споспѣшествующихъ грѣшнику исправиться и прійти въ разумъ истины. Вотъ почему отлученіе навсегда за первый тяжкій грѣхъ, совершенный послѣ крещенія, никогда не получило общаго признанія въ церкви. Оно признавалось необходимымъ нѣкоторыми христіанскими сектами [1]) и существовало въ нѣкоторыхъ помѣстныхъ церквахъ, но не было принято общецерковною дисциплиною. Большинство восточныхъ помѣстныхъ церквей и первенствующая на западѣ Римская помѣстная церковь придерживались болѣе снисходительнаго воззрѣнія. Лицъ, совершившихъ впервые послѣ крещенія тяжкій или смертный грѣхъ, отлученныхъ за это отъ церкви и принесшихъ дѣйствительное покаяніе, упомянутыя церкви не сомнѣвались принимать снова въ общеніе съ вѣрующими. Таковъ былъ господствовавшій въ большинствѣ церквей взглядъ. Самъ Тертулліанъ, прежде чѣмъ сдѣлаться монтанистомъ, придерживался подобнаго воззрѣнія. „Omnibus delictis—читаемъ въ его сочиненіи De poenitentia (cap. 4)—seu carne, seu spiritu, seu facto seu voluntate commissis, Deus, qui poenam per judicium destinavit, idem etiam et veniam per poenitentiam". Только совершившимъ смертный грѣхъ во второй разъ послѣ крещенія и подвергавшимся уже разъ за совершеніе смертнаго грѣха публичному покаянію церковь отказывала въ допущеніи снова къ публичному покаянію и въ примиреніи съ Богомъ и обществомъ вѣрующихъ [2]).

Всѣ только что указанныя классификаціи грѣховныхъ дѣяній должны были вызвать и соотвѣтствующую классификацію церковныхъ дисциплинарно-исправительныхъ мѣръ. Долгое время опредѣленіе той или другой дисциплинарной мѣры, того или другаго церковнаго наказанія за тотъ или другой грѣхъ предоставлено было усмотрѣнію епископовъ [3]). Но уже въ половинѣ III столѣтія мы встрѣчаемся съ попыткой установить общія правила для опредѣленія цер-

---

[1]) Главнымъ образомъ монтанистами и впослѣдствіи новатіанцами.

[2]) Tertull. De poenitentia. Collocavit in vestibulo poenitentiam secundam, quae pulsantibus patefaciat: sed jam semel quia jam secundo: sed jam amplius nunquam, quia proxime frustra. Тертулліанъ говоритъ о второмъ покаяніи, потому что подъ первымъ онъ подразумѣваетъ покаяніе оглашенныхъ и очищеніе отъ грѣховъ посредствомъ крещенія.

[3]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ Кипріанъ въ epistola ad Antonianum (*Mansi*, I, 860. A).—actum suum disponit et dirigit unusquisque episcopus, rationem propositi sui domino redditurus.

ковныхъ взысканій за различные виды отпаденія отъ вѣры. Я подразумѣваю здѣсь постановленія помѣстнаго Карѳагенскаго собора 251 года, относящіяся къ опредѣленію размѣра покаянія различнымъ категоріямъ такъ-называемыхъ lapsi, то есть, отпавшихъ отъ вѣры. Правда, постановленія эти имѣли значеніе преимущественно для Африканской церкви и относились только къ одному разряду прегрѣшеній, но такъ какъ они, будучи сообщены Римскому папѣ Корнелію, были утверждены симъ послѣднимъ на помѣстномъ Римскомъ соборѣ, созванномъ имъ въ концѣ 251 года [1]), и такъ какъ при ихъ составленіи впервые сознана была необходимость точнаго опредѣленія основъ церковной дисциплины, то мы можемъ, не впадая въ ошибку, утверждать, что эти постановленія играютъ важную роль не только въ исторіи дисциплины Африканской церкви, но и въ исторіи церковной дисциплины на западѣ вообще. Соборъ не только издалъ постановленія о покаянной дисциплинѣ, но и составилъ изъ нихъ сборникъ, который и отправилъ къ папѣ Корнелію [2]). Этотъ сборникъ, согласно вѣрному замѣчанію Гефеле, необходимо признать первымъ по времени пенитенціаломъ. Хотя онъ до насъ и не дошелъ, но главнѣйшія его основанія изложены въ посланіи Кипріана къ Антоніану (Epist. 52). Прежде всего устанавливается общее правило, по которому отпавшіе не должны быть лишены всякой надежды, ибо иначе ими можетъ овладѣть отчаяніе и побудить ихъ къ полному отпаденію отъ вѣры и къ возвращенію къ мірскимъ прелестямъ языческой жизни. Тѣмъ не менѣе они подлежатъ весьма продолжительному церковному покаянію и должны быть наказаны, соразмѣрно съ ихъ виною [3]). Такъ, иначе слѣдуетъ относиться къ тѣмъ, которые добровольно поспѣшили принять участіе въ богопротивныхъ жертвоприношеніяхъ, чѣмъ къ тѣмъ, которые, послѣ упорной борьбы, страшными мученіями были принуждены къ этому, иначе—къ тѣмъ, которые сами побуждали своихъ домашнихъ къ отпаденію, чѣмъ къ тѣмъ, которые

---

[1]) *Hefele*. Conciliengeschichte, I, 114.

[2]) Посланіе къ Антоніану въ собраніи *Mansi* (I, 855). Здѣсь указывается на то, что на основаніи соборныхъ совѣщаній составленъ былъ сборникъ «ubi singula placitorum capita conscripta sunt», и что соборныя дѣянія препровождены были къ папѣ Корнелію и римскому клиру.

[3]) Посланіе къ Антоніану (*Mansi*, l. c.) . nec tamen rursus censura evangelica solveretur, ut ad communionem temere prosilient, sed traheretur diu poenitentia, et rogaretur dolenter paterna clementia et examinarentur causae et voluntates et necessitates singulorum.

рѣшились совершить грѣхъ отрѣченія отъ вѣры, чтобы спасти и покрыть своихъ домашнихъ и быть въ состояніи дать убѣжище братьямъ-христіанамъ [1]). Строго слѣдуетъ, равнымъ образомъ, различать такъ-называемыхъ sacrificati отъ такъ-называемыхъ libellatici, то-есть, такихъ, которые дѣйствительно принесли богопротивныя жертвоприношенія, и такихъ, которые, не отпавъ въ дѣйствительности, воспользовались подкупностью римскихъ магистратовъ и за деньги получили отъ нихъ подложныя свидѣтельства объ участіи въ жертвоприношеніяхъ языческимъ богамъ [2]). Libellatici принимаются тотчасъ въ общеніе съ церковью, sacrificati же—только послѣ продолжительнаго покаянія и только на смертномъ одрѣ [2]) Наконецъ, епископы и пресвитеры, впавшіе въ только что указанные грѣхи, допускаются къ покаянію и примиренію съ церковью, но не допускаются къ дальнѣйшему отправленію епископскихъ и пресвитерскихъ функцій [3]).

Карѳагенскій соборъ 251 года играетъ такимъ образомъ видную роль въ исторіи церковной дисциплины. А именно, если уже преподанный епископамъ въ Апостольскихъ постановленіяхъ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ совѣтъ, стараться въ каждомъ данномъ случаѣ о томъ, чтобы дисциплинарно-исправительная мѣра была соразмѣрена

---

[1]) Epistola ad Antonianum (*Mansi*, I, 857 C). Прегрѣшеніе отпавшихъ и принесшихъ жертвы съ цѣлію покрыть своихъ домашнихъ и дать убѣжище братьямъ-христіанамъ вмѣняется имъ въ меньшей степени въ вину, именно въ виду этой благой цѣли. О провинившемся такимъ образомъ говорится, что онъ является на судъ церкви «offerens et ostendens domino multas viventes et incolumes animas, quae pro una sancta deprecatur».

[2]) Epistola ad Antonianum (*Mansi*, I, 857—858). Продолжительное и дѣйствительное покаяніе является непремѣннымъ условіемъ принятія такъ-называемыхъ sacrificati. «Ed idcirco, читаемъ въ томъ же посланіи (*Mansi*, I, 851 A и B), poenitentiam non agentes.. prohibendos omnimo censuimus a spe communicationis et pacis, si in infirmitate atque in periculo coeperint deprecari, quia rogare illos non delicti poenitentia, sed mortis urgentis admonitio compellit

[3]) Это видно изъ посланія Кипріана клиру и народу въ Испаніи (Epistola 68) о недопущеніи епископовъ Василида и Марціала къ отправленію епископскихъ функцій, такъ какъ они оказались опороченными испрошеніемъ себѣ, во время гоненія, свидѣтельствъ объ участіи въ языческихъ жертвоприношеніяхъ (nefando idolatriae libello contaminati). Постановивъ рѣшеніе въ данномъ случаѣ, Кипріанъ и отцы созваннаго имъ собора (II-й Африканскій соборъ 258 г.) указываютъ на прежде установленное ими (несомнѣнно на соборѣ 251 года) и признанное папой Корнеліемъ правило, согласно которому «homines ad poenitentiam quidem posse admitti, ab ordinatione autem cleri atque sacerdotali honore prohiberi (*Mansi*, I, 909. B).

въ извѣстной степени, какъ качественно, такъ и количественно съ грѣховнымъ дѣяніемъ, за которое она налагается, послужилъ къ усиленію карательнаго элемента въ современной съ Апостольскими постановленіями покаянной системѣ, то несомнѣнно, что усиленію указаннаго элемента еще болѣе должно было споспѣшествовать опредѣленіе на соборѣ точныхъ основаній для оцѣнки отдѣльныхъ грѣховныхъ дѣяній и назначенія за нихъ соотвѣтствующихъ церковныхъ взысканій. И дѣйствительно, между тѣмъ какъ руководствующемуся апостольскими постановленіями епископу предложено было только общее начало, котораго ему слѣдовало придерживаться при опредѣленіи церковныхъ дисциплинарно-исправительныхъ мѣръ, но не дано было никакихъ спеціальныхъ указаній для опредѣленія пенитенцій за отдѣльныя прегрѣшенія, епископъ руководствующійся дѣяніями собора 251 года находилъ въ сборникѣ покаянныхъ каноновъ этого собора точное опредѣленіе отдѣльныхъ грѣховныхъ дѣяній и точное указаніе на то, какую эпитимію слѣдуетъ считать соотвѣтствующей извѣстному грѣховному дѣянію. Однимъ словомъ, тотъ libellus, in quo singula placitorum capita conscripta sunt, и о которомъ Кипріянъ упоминаетъ въ своемъ посланіи къ Антоніану, какъ о сборникѣ соборныхъ постановленій, есть въ полномъ значеніи этого слова кодексъ, содержащій въ себѣ опредѣленныя церковныя взысканія за опредѣленныя грѣховныя дѣянія. Изъ этого, наконецъ, можно вывести заключеніе, что, такъ какъ способъ опредѣленія церковныхъ взысканій по этому кодексу, какъ видно изъ только-что сказаннаго, гораздо болѣе формальный, чѣмъ по Апостольскимъ постановленіямъ, а усиленіе значенія формальнаго элемента въ способѣ опредѣленія церковныхъ взысканій всегда ведетъ къ усиленію карательнаго элемента въ самихъ взысканіяхъ, то церковныя взысканія, содержащіяся въ разсматриваемомъ нами теперь кодексѣ, гораздо болѣе приближаются къ типу наказаній, чѣмъ тѣ, которыя находятся въ Апостольскихъ постановленіяхъ.

Впрочемъ не слѣдуетъ и преувеличивать значеніе формальнаго и карательнаго элементовъ въ сборникѣ покаянныхъ каноновъ собора 251 года. Эти элементы являются здѣсь далеко не столь развитыми, какъ въ соборныхъ постановленіяхъ послѣдующаго времени и въ позднѣйшихъ сборникахъ покаянныхъ правилъ. Для того, чтобъ убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только сравнить содержащіяся въ посланіи Кипріана къ Антоніану покаянныя правила съ покаянными правилами, находящимися въ твореніяхъ отцевъ IV вѣка, напримѣръ, въ посланіяхъ Василія Великаго къ Амфилохію. Формальный характеръ сихъ послѣд-

нихъ правилъ, придающій въ свою очередь назначаемымъ ими взысканіямъ вполнѣ характеръ церковныхъ каръ, невольно бросается въ глаза даже при первомъ, бѣгломъ знакомствѣ съ ними

Такимъ образомъ нами указано на причины и ходъ развитія карательнаго элемента въ церковномъ правѣ III столѣтія. Посмотримъ теперь, какъ отразилось это усиленіе карательнаго элемента на ученіи церкви объ отдѣльныхъ покаянныхъ дѣйствіяхъ, то-есть, о тѣхъ благочестивыхъ упражненіяхъ, которыми сопутствовалось покаяніе.

Общаго порядка отбытія покаянія и точнаго опредѣленія отдѣльныхъ покаянныхъ дѣйствій вплоть до конца III столѣтія мы не встрѣчаемъ. Такъ, Тертулліанъ говоритъ о томъ, какъ отбывается покаяніе въ самыхъ общихъ чертахъ. Онъ требуетъ только вообще, чтобы внутренняя скорбь и внутреннія мученія выразились во внѣшнихъ благочестивыхъ покаянныхъ дѣйствіяхъ [1]) Эти внѣшнія благочестивыя покаянныя дѣйствія не описываются имъ въ подробностяхъ. Вотъ все, что̀ мы узнаемъ о нихъ изъ его сочиненія De poenitentia (cap. 10): „De ipso quoque habitu atque victu mandat sacco et cineri incubare, corpus sordibus obscurare, animum moeroribus dejicere, illa quae peccavit, tristi tractatione mutare: caeterum pastum et potum pura nosse, non ventris scilicet, sed animae causa: plerumque vero jejuniis praecesalere, ingemiscere, lacrymari, mugire dies noctosque ad Dominum Deum tuum, presbyteris advolvi et aris Dei adgenicularі, omnibus fratribus legationes deprecationis suae injungere“. Слѣдовательно, порядокъ отбыванія покаянія и благочестивыя упражненія, сопровождавшія покаяніе, долгое еще время опредѣлялись епископомъ, подобно тому какъ долгое время имъ же по усмотрѣнію опредѣлялись и сроки покаянія [2]). Церковь установила только одно общее правило, что никто не можетъ быть допущенъ къ примиренію съ Богомъ, кто предварительно не отбылъ назначеннаго ему епископомъ покаянія. „Коль безумно“, говоритъ Тертулліанъ,—„не выполнить назначеннаго покаянія и требовать прощенія? Это то же самое, что̀ не заплатить цѣны и протягивать руки къ товару. Ибо за эту цѣну Господь постановилъ давать прощеніе: Онъ предлагаетъ за подобное вознагражденіе посредствомъ покаянія по-

[1]) De poenitentia, cap. 9. Ut non sola conscientia praeferatur, sed aliquo etiam actu administretur.

[2]) Мы видѣли, что только въ началѣ второй половины III, вѣка и то только относительно извѣстнаго разряда грѣховныхъ дѣяній (а именно относительно различныхъ видовъ отпаденія отъ вѣры), установлены были общіе сроки покаянія постановленіями Карѳагенскаго собора 251 года.

купать безнаказанность". Вотъ и все, что̀ мы узнаемъ о порядкѣ отбыванія покалнія и о благочестивыхъ покаянныхъ дѣйствіяхъ изъ сочиненій Тертулліана, этого главнаго писателя о покаяніи въ первой половинѣ III вѣка. Въ такихъ же общихъ выраженіяхъ говоритъ о занимающемъ насъ вопросѣ и Кипріанъ. „Молиться нужно", читаемъ въ его книгѣ de lapsis,—„усиленнѣе, прилежать добрымъ дѣламъ, коими очищаются грѣхи, чаще раздавать милостыню, да искупятся посредствомъ оной преступленіе и вина".

Но если такимъ образомъ въ церкви не установилось точныхъ правилъ о порядкѣ отбыванія покаянія и опредѣленія покаянныхъ дѣйствій, то вполнѣ установился, какъ легко можно убѣдиться изъ приведенныхъ выше выписокъ изъ сочиненій Тертулліана и Кипріана, взглядъ на покаянныя благочестивыя дѣла, какъ на такія, которыя не только служатъ внѣшнимъ выраженіемъ внутренняго перерожденія, совершающагося въ совѣсти кающагося, но и самостоятельно въ извѣстной степени погашаютъ грѣхъ. Подобное признаніе самостоятельнаго значенія за благочестивыми покаянными и вообще добрыми дѣлами, внѣ связи съ внутреннимъ настроеніемъ совершающаго эти дѣла, принимало иногда крайній характеръ [1]). Оно послужило основаніемъ для злоупотребленій такъ-называемыхъ, libelli pacis со стороны мучениковъ. Исторія этихъ злоупотребленій ясно показываетъ, что упущеніе изъ виду указанной связи между добрыми дѣлами и внутреннимъ настроеніемъ совершающаго ихъ можетъ повлечь за собою полное извращеніе началъ христіанской нравственности. Съ точки зрѣнія христіанской морали всѣ дѣла человѣческія сами по себѣ безразличны: за ними признается квалификація добрыхъ или злыхъ, смотря по внутреннему, доброму или злому, настроенію лица, ихъ совершающаго. Таковъ основный взглядъ христіанскаго ученія на добрыя дѣла, выразившійся, какъ нами указано выше, и въ посланіи апостола Павла къ Римлянамъ (III, 28). Но взглядъ этотъ, какъ мы только что видѣли, видоизмѣнился отчасти въ разсматриваемое нами время. За добрыми дѣлами признано было въ извѣстной степени самостоятельное значеніе. Отсюда къ воззрѣнію на добрыя дѣла, какъ на нѣчто, имѣющее самостоятельное существованіе и вполнѣ самостоятельную нравственную цѣну, переходъ не представлялся затруднительнымъ. А подобное воззрѣніе давало возможность уступать, если

[1]) Ср. по этому вопросу *Baur*, Geschichte der Christlicher Kirche. 3-te Ausgabe. 1863. Band I, 510 ff.

можно такъ выразиться, свои добрыя дѣла другому для того, чтобъ они, будучи ему зачтены, освободили бы его отъ отвѣтственности за совершенныя имъ грѣховныя дѣянія. Подобная уступка добрыхъ дѣлъ и заслугъ въ особенности стала считаться возможною со стороны мучениковъ, которые своими страданіями пріобрѣли такую заслугу передъ Богомъ, что она не только покрывала содѣянныя ими прегрѣшенія, но, какъ думали нѣкоторыя церковныя партіи того времени, въ значительной степени превышала эти прегрѣшенія. Вотъ этотъ-то излишекъ заслугъ мученики и могли уступать другимъ вѣрующимъ, просящимъ ихъ объ этомъ [1]). Вселенская церковь никогда не усвоила себѣ подобнаго взгляда. Она принимала, правда, въ общеніе вѣры тѣхъ изъ отпавшихъ, которыхъ допускали къ общенію съ собою мученики, но на совсѣмъ другихъ основаніяхъ. А именно, церковь уступала просьбамъ мучениковъ и возсоединяла съ собою отпавшихъ, за которыхъ они ходатайствовали, вопервыхъ, изъ уваженія къ мученикамъ, а вовторыхъ, вслѣдствіе убѣжденія, что мученики, въ силу святости своей жизни пріобрѣли бо́льшую способность, чѣмъ остальные вѣрующіе, распознавать намѣренія лицъ, къ нимъ обращающихся, и удовлетворяться въ искренности и дѣйствительности ихъ покаянія [2]). Противъ же ученія о прощеніи отпавшимъ ихъ прегрѣшенія отъ имени мучениковъ церковь постоянно возставала. Энергическій протестъ противъ неправильнаго ученія о правѣ мучениковъ своими заслугами погашать прегрѣшенія отпавшихъ и давать имъ прощеніе отъ своего имени находится въ твореніяхъ Кипріана, указывающаго на то, что

---

[1]) Въ этомъ воззрѣніи коренится зачатки развившагося впослѣдствіи въ западной церкви ученія о такъ называемомъ thesaurus supererogationis perfectorum.

[2]) Злоупотребленія такъ называемомъ libelli pacis и неправильный взглядъ на заслуги мучениковъ развились, главнымъ образомъ, на западѣ. Въ томъ, что вопросъ о допущеніи въ церковное общеніе отпавшихъ, которыхъ допустили въ общеніе съ собою мученики, поставленъ былъ правильно въ церквахъ востока, легко убѣдиться изъ сохранившагося въ Historia ecclesiastica Евсевія (lib. VI, 42) посланія Діонисія Александрійскаго, въ которомъ читаемъ слѣдующее: Hi divini martyres, . dum hinc apud nosessent, quosdam e fratribus lapsos... susceperunt· et *conversionem illorum ac poenitentiam cernentes*... eos in coetum suum receperunt: et in orationibus et cibis cum eis communicarunt. Quid ergo nobis, fratres, de his: suadetis? Utrum sententiae martyrum accedemus..... A contra judicium illorum irritum faciemus, nosque ipsi sententiae illorum discussores ac judices constituemus, clementiam dolore afficiemus, ordinem constitutam evertemus, Dei ipsius indignationem provocabimus? Сравн. Historia Ecclesiastica Eusebii. Editio *Valesii*, 196.

только одно имя дано людямъ во отпущеніе грѣховъ, имя Іисуса Христа Epistola 27, 3).

Но хотя такимъ образомъ только что указанный взглядъ на заслуги мучениковъ и не получилъ признанія со стороны церкви, тѣмъ не менѣе самая возможность возникновенія подобнаго взгляда свидѣтельствуетъ о томъ, какъ сильно развилось внѣшнее формальное начало въ ученіи о добрыхъ дѣлахъ. Вотъ почему и стали разсматривать добрыя дѣла, совершаемыя кающимися, какъ погашающія грѣхъ, въ воздаяніе за который они предпринимались.

Подводя итоги тому, что̀ сказано было нами о церковной дисциплинѣ III столѣтія, мы видимъ, что карательный элементъ на столько усилился въ системѣ церковныхъ взысканій, что сіи послѣднія могли уже разсматриваться не только какъ дисциплинарно-исправительныя мѣры, но и какъ церковныя кары. Въ то же самое время устанавливается взглядъ на отдѣльныя благочестивыя покаянныя дѣйствія, какъ на воздаяніе за грѣхъ, погашающее сей послѣдній.

Но если такимъ образомъ церковныя взысканія стали разсматриваться какъ наказанія, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ они совершенно утратили свой прежній характеръ. Напротивъ того, прежнее значеніе отлученія, какъ средства побудить прегрѣшившаго къ раскаянію и покаянію, какъ способа примиренія съ Богомъ и церковью, вполнѣ сознавалось сею послѣднею. Въ этомъ мы легко можемъ убѣдиться, напримѣръ, и изъ посланія Кипріана къ Антоніану, съ которымъ мы уже имѣли случай познакомиться выше. Здѣсь Кипріанъ указываетъ на то, какимъ образомъ въ одной и той же мѣрѣ взысканія можетъ быть соединенъ и характеръ наказанія, и характеръ дарованія благодатнаго способа примириться съ Богомъ. При этомъ онъ въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на Священное Писаніе ветхаго и новаго завѣта. „Равнымъ образомъ“, говоритъ онъ,— „и устами пророка Іоиля взываетъ Онъ (Господь) и глаголетъ: Обратитеся ко мнѣ всѣмъ сердцемъ вашимъ, въ постѣ и въ плачи и въ рыданіи. И расторгните сердца ваша, а не ризы ваша, и обратитеся ко Господу Богу вашему: яко милостивъ и щедръ есть, долготерпѣливъ и многомилостливъ, и раскаявайся о злобахъ. Въ псалмахъ мы читаемъ также какъ о наказаніи, такъ и о милости Бога, въ одно и то же время угрожающаго и милующаго, карающаго во исправленіе и сохраняющаго того, кого онъ исправилъ: Посѣщу, глаго̀летъ, жезломъ беззаконія ихъ, и ранами неправды ихъ: милость же мою не разорю отъ

нихъ". Затѣмъ Кипріанъ приводитъ слова евангельскія: „Или кто есть отъ васъ человѣкъ, его же аще воспроситъ сынъ его хлѣба, еда камень подастъ ему; или аще рыбы проситъ, еда змію подастъ ему; аще убо вы лукави сущи, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ Небесный дастъ блага просящимъ у Него". Въ толкованіи на эти слова Кипріанъ говоритъ слѣдующее: „Сравниваетъ здѣсь Господь снисхожденіе отца по плоти съ вѣчнымъ и изобильнымъ милосердіемъ Бога отца, а именно, если оный земной отецъ, тяжко оскорбленный прегрѣшающимъ и злымъ сыномъ, все-таки радуется и ликуетъ, когда познаетъ, что сынъ его перемѣнился, что онъ отрѣшился отъ прегрѣшеній прежней жизни, и усвоивъ себѣ добрые нравы, трезвость и порядочное поведеніе, исправился, если при такихъ условіяхъ отецъ земной принимаетъ того, кого онъ прежде отвергъ, и обнимаетъ его съ пожеланіями отеческаго восторга; кольми паче оный единый и истинный отецъ, добрый, милосердый и щедрый, сама, такъ сказать, доброта, само милосердіе и сама щедрость, радуется о покаяніи сыновъ своихъ, не грозитъ имъ, плачущимъ и рыдающимъ, гнѣвомъ своимъ, но обѣщаетъ имъ, напротивъ того, прощеніе и снисхожденіе". Такимъ образомъ Кипріанъ, сообщая Антоніану постановленія Карѳагенскаго собора 251 г., установившаго, какъ мы видѣли, опредѣленныя церковныя взысканія за различные виды отпаденія отъ вѣры и усилившаго чрезъ внесеніе подобной опредѣленности въ церковную покаянную систему карательный характеръ сей послѣдней, заботится о томъ, чтобы новое воззрѣніе на церковныя взысканія, какъ на наказанія, не подорвало прежняго исконнаго значенія ихъ, какъ мѣръ, направленныхъ не къ наказанію прегрѣшившаго, а къ побужденію его къ раскаянію и примиренію съ Богомъ и церковью.

Таковъ былъ характеръ церковныхъ взысканій въ III столѣтіи христіанской эры.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію системы церковныхъ взысканій въ IV и V столѣтіяхъ въ томъ видѣ, въ какомъ она выразилась — въ памятникахъ того времени. Памятники эти имѣютъ для насъ особый интересъ въ виду того обстоятельства, что въ нихъ содержится тотъ матеріалъ, изъ котораго впослѣдствіи, подъ вліяніемъ кельтическихъ и германскихъ правовыхъ началъ, сложилась система каръ и покаяній различныхъ помѣстныхъ церквей запада. Ихъ

[1]) Ср. Epistola D. Cypriani ad Antonianum въ собраніи *Mansi*, I, 860, 61).

можно раздѣлить на слѣдующіе четыре группы: 1) дѣянія соборовъ, въ особенности бывшихъ въ Эльвирѣ (305 г.), въ Арлѣ (314 г.), въ Анкирѣ (314 г.), въ Неокесаріи (314—325 г.), въ Никеѣ (325 г.), въ Гангрѣ (325—341 г.) и въ Карѳагенѣ (419 г.); 2) творенія отцевъ восточной церкви, изъ которыхъ на западѣ особое значеніе пріобрѣли каноническія посланія Василія Великаго къ Амфилохію; 3) творенія отцевъ западной церкви, въ особенности Августина и Амвросія, и 4) каноны или правила апостольскія.

Для церкви наступили въ разсматриваемое время дни мира и торжества. Вслѣдствіе того церковное законодательство получило возможность свободнаго и безпрепятственнаго развитія. Соборы занимались не только выясненіемъ основныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія, но и упорядоченіемъ церковныхъ отношеній. Положены были прочныя основанія церковной организаціи и церковной дисциплины. Такъ, уже въ постановленіяхъ собора, собравшагося въ 306 году въ Эльвирѣ [1]), мы встрѣчаемся съ настоящимъ кодексомъ церковныхъ взысканій. Между тѣмъ какъ на Карѳагенскомъ соборѣ 251 года опредѣлены были церковныя взысканія только относительно одного разряда грѣховныхъ дѣяній, а именно относительно отпаденія отъ вѣры, на Эльвирскомъ соборѣ обложены были церковными карами всевозможныя грѣховныя дѣла.

Суровость церковныхъ взысканій, находящихся въ постановленіяхъ Эльвирскаго собора, давно обратила на себя вниманіе изслѣдователей. Обыкновенно объясняютъ ее тѣмъ обстоятельствомъ, что постановленія этого собора изданы вскорѣ послѣ великаго гоненія, бывшаго при Діоклетіанѣ, во времена котораго церковь не мало пострадала вслѣдствіе отпаденія отъ нея значительнаго числа ея членовъ [2]). Но подобное объясненіе едва ли вѣрно. Отлученіемъ на всегда отцы Эльвирскаго собора грозятъ не только за отпаденіе отъ вѣры, но и за цѣлый рядъ грѣховныхъ дѣяній самаго разнообразнаго характера. Вотъ перечень этихъ дѣяній: идолослуженіе (кан. 1—3), причиненіе кому-либо смерти волхвованіемъ (кан. 6), покинутіе безъ причины женами своихъ мужей для вступленія при жизни ихъ въ новый бракъ (кан. 9), сводничество (кан. 12), блудъ, совершенный христіанскими дѣвушками, посвятившими себя Богу (кан. 13), выдача замужъ дочери

---

[1]) Различныя мнѣнія о времени Эльвирскаго собора см. у *Hefele*, Conciliengeschichte, I, 149—154.

[2]) *Hefele*, 151.

за языческаго жреца (кан. 17), блудъ, совершенный епископами, пресвитерами и діаконами (кан. 18), убіеніе женщиной, повинною въ прелюбодѣяніи, прижитаго ею во время отсутствія мужа ребенка (кан. 63), неотверженіе клирикомъ жены своей, въ совершеніи прелюбодѣянія которою онъ удостовѣрился (кан. 65), женитьба на падчерицѣ, разсматриваемая какъ кровосмѣшеніе (кан. 66), согласіе мужа на прелюбодѣяніе жены (кан. 70), мужеложство (кан. 71), прегрѣшеніе вдовы, совершившей блудъ съ однимъ мужчиной и вышедшей замужъ за другаго (кан. 72), доносъ, вслѣдствіе котораго кто либо подвергся тяжкому наказанію, напримѣръ, смертной казни (кан. 73), и наконецъ, обвиненіе, не доказанное, епископа, пресвитера или діакона въ тяжкихъ преступленіяхъ (кан. 75). Изъ этого перечня видно, что тягчайшему церковному взысканію подвергались не только такъ-называемые lapsi, но и всѣ лица, совершившія одинъ изъ такихъ грѣховъ, которые были отнесены соборомъ къ разряду тяжкихъ или смертныхъ грѣховъ. Слѣдовательно, суровость Эльвирскихъ каноновъ свидѣтельствуетъ только о томъ, что въ испанской помѣстной церкви преобладало то болѣе строгое отношеніе къ тяжкимъ или смертнымъ грѣхамъ, по которому виновные въ оныхъ, хотя бы и въ первый разъ послѣ крещенія, не принимались и на смертномъ одрѣ въ общеніе съ церковью, и которое, хотя и не получило общецерковнаго признанія, но тѣмъ не менѣе не ставило придерживающейся онаго церкви внѣ общенія и единенія съ другими церквами [1]).

Преобладаніе карательнаго элемента въ покаянной системѣ, установленной на Эльвирскомъ соборѣ, выразилось, равнымъ образомъ, и въ томъ обстоятельствѣ, что церковныя взысканія, назначаемыя за менѣе тяжкіе грѣхи, чѣмъ тѣ, которые отнесены были соборомъ къ разряду такъ-называемыхъ crimina capitalia или crimina mortis (кан. 1 и 7), опредѣлены были въ подробностяхъ и являли, такимъ образомъ, въ своей совокупности основанную на строго проведенномъ началѣ постепенности лѣстницу церковныхъ наказаній.

Познакомимся ближе съ этою лѣстницею церковныхъ наказаній. За

[1]) Это строгое отношеніе къ совершившимъ смертные грѣхи продолжалось въ Испаніи еще долгое время, въ доказательство чего можно сослаться на Паціана, епископа Барцелонскаго, жившаго во второй половинѣ IV вѣка. Въ сочиненіи Паціана «Paraeneticus ad poenitentiam» читаемъ слѣдующее: Reliqua peccata meliorum operum compensatione curantur, haec (то-есть, peccata capitalia) quicunque post fidem fecerit, Dei faciem non videbit. Срав. также посланіе Иннокентія I, ad Exuperium, episcopum Tolosanum (*Mansi*, III, 1039).

отлученіемъ на всегда слѣдуетъ отлученіе до конца жизни, при чемъ допускается возсоединеніе съ церковью на смертномъ одрѣ (кан. 3, 10, 13, 37, 47), а затѣмъ отлученіе на опредѣленный срокъ, на 10 лѣтъ (кан. 22, 46, 59, 64, 70, 72), на 7 лѣтъ (кан. 5), на 5 лѣтъ (кан. 5, 16, 40, 61, 69, 70—74), на 3 года (кан. 54, 57), на два года (кан. 55, 74) и на одинъ годъ (14, 79). Отлученіе соединяется обыкновенно съ публичнымъ покаяніемъ, порядокъ отбыванія и характеръ котораго, какъ можно заключить по повсемѣстно встрѣчающемуся въ нашемъ памятникѣ выраженію „acta legitima poenitentia“, были точно опредѣлены [1]). Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобнаго соединенія церковныхъ взысканій не встрѣчаемъ, а прегрѣшившій считается достаточно наказаннымъ чрезъ отлученіе и не подвергается публичному покаянію [2]). За наименѣе тяжкіе грѣхи не опредѣляется точнаго срока отлученія, а постанавливается вообще „pauco tempore a communione abstineatur“. Срокъ отлученія и покаянія сокращается только въ извѣстныхъ опредѣленныхъ самими канонами случаяхъ, главнымъ образомъ тогда, когда до истеченія срока кающійся грѣшникъ впадетъ въ тяжкую болѣзнь, угрожающую смертью. Наконецъ, повтореніе прегрѣшенія, то-есть, совершеніе смертнаго грѣха во второй разъ послѣ крещенія и по отбытіи покаянія за совершеніе подобнаго грѣховнаго дѣянія въ первый разъ, усиливало отвѣтственность и влекло за собою отлученіе навсегда. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи эльвирскіе каноны вполнѣ согласны съ общепризнанною въ тѣ времена дисциплиною церкви.

Въ виду всего только что сказаннаго, каноны Эльвирскаго собора являютъ собою не что иное, какъ кодексъ церковныхъ наказаній. Основная мысль, на которой построена вся покаянная система этихъ каноновъ, заключается въ томъ, что извѣстное число лѣтъ требуется для очищенія отъ такого-то грѣха, и напротивъ другое число лѣтъ нужно для очищенія отъ другаго [3]). При этомъ разрѣшаются во-

---

[1]) Мы не имѣемъ однако никакихъ точныхъ свидѣтельствъ о томъ, въ чемъ именно состояла эта legitima poenitentia.

[2]) Can. 14. De virginibus saecularibus si moechaverint. Virgines, quae virginitatem suam non custodierint, si eosdem, qui eas violaverint, duxerint et tenuerint maritos, eo quod solas nuptias violaverint, post annum sine poenitentia reconciliari debebunt.

[3]) Профессоръ *Суворовъ*, въ своемъ сочиненіи «О церковныхъ наказаніяхъ», высказываетъ мнѣніе, что съ подобнымъ кодексомъ церковныхъ наказаній мы

просы о вмѣненіи, о различныхъ степеняхъ виновности и о различныхъ срокахъ покаянія [1]).

Хотя эльвирскіе каноны изданы были первоначально только для Испанской помѣстной церкви, но они несомнѣнно сдѣлались вскорѣ извѣстными и въ другихъ церквахъ и повліяли на дисциплину сихъ послѣднихъ. Въ этомъ мы убѣждаемся, какъ изъ того, что нѣкоторые каноны бывшаго впослѣдствіи въ 314 г. въ Арлѣ собора, на который собрались епископы почти изъ всѣхъ провинцій имперіи Константина Великаго, основаны на эльвирскихъ канонахъ, такъ и изъ того, что на эльвирскіе каноны есть указаніе и въ дѣяніяхъ Сардикійскаго собора [2]). Такимъ образомъ, установленный на эльвирскомъ соборѣ кодексъ церковныхъ наказаній имѣетъ значеніе для исторіи системы каръ и покаяній западной церкви вообще.

На соборѣ, бывшемъ въ Арлѣ въ 314 году, не установлено было такихъ подробныхъ покаянныхъ правилъ, какъ на Эльвирскомъ соборѣ, ибо соборъ въ Арлѣ созванъ былъ главнымъ образомъ для разсмотрѣнія ереси донатистовъ, а церковною дисциплиной занимался только между прочимъ [3]). Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ каноновъ этого собора не могутъ быть пройдены молчаніемъ со стороны изслѣдователя исторіи покаянной системы западной церкви. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе канонъ 22-й, содержащій въ себѣ общее

впервые встрѣчаемся въ правилахъ Василія Великаго, въ которыхъ впервые за церковнымъ покаяніемъ окончательно утвердились черты наказанія. Что касается Восточной церкви и того значенія, которое имѣютъ правила Василія Великаго въ исторіи покаянной системы этой церкви, то мы будемъ имѣть случай высказать по этому поводу наше мнѣніе въ дальнѣйшемъ изложеніи. Теперь же ограничимся замѣчаніемъ, что на западѣ подобный кодексъ существовалъ гораздо ранѣе, ибо эльвирскіе каноны могутъ быть названы таковымъ не съ меньшимъ основаніемъ, чѣмъ правила Василія Великаго.

[1]) Канонъ 5 различаетъ грѣхи вольные и невольные (совершенные voluntate или casu). Канонъ 22, говоря о возвращающихся изъ ереси католикахъ, и установляя для взрослыхъ 10-тилѣтнее покаяніе, не вмѣняетъ въ вину пребываніе въ ереси тѣмъ, которые обращены были въ ересь, будучи дѣтьми, и предписываетъ принимать ихъ немедленно.

[2]) Слѣдующіе каноны собора въ Арлѣ основаны на эльвирскихъ: канонъ IX на 25 эльвирскомъ канонѣ, кан. XI на 15 эльвирскомъ, кан. XII на 20 эльвирскомъ и кан. XVI на 53 эльвирскомъ. Что же касается указанія на эльвирскіе каноны въ дѣяніяхъ Сардикійскаго собора, то оно, какъ справедливо замѣтилъ *Hefele* (Conciliengesch., I, 152), находится въ канонѣ 11 (греческаго текста), гдѣ слова ἐν τῷ προάγοντι χρόνῳ относятся къ Эльвирскому собору.

[3]) Epistola Synodi Arelatensis (*Mansi*, II, 469—470).

постановленіе о томъ, какъ относиться къ отступникамъ, заболѣвшимъ тяжкою болѣзнью и просящимъ причащенія. Соборъ подтвердилъ въ этомъ канонѣ долго существовавшій въ западной церкви обычай, согласно которому подобнымъ отступникамъ, не принесшимъ покаянія до болѣзни, отказывалось въ причащеніи [1]). Только въ томъ случаѣ, если они, выздоровѣвъ, принесутъ достойные плоды покаянія, могутъ они быть приняты въ общеніе съ вѣрующими. Мы увидимъ, какъ это правило смягчено было впослѣдствіи на вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ 325 года. Остальныя постановленія собора о покаяніи имѣютъ въ высшей степени фрагментарный характеръ, и очевидно, установлены въ виду особыхъ условій и нуждъ времени. Сюда относятся, главнымъ образомъ тѣ постановленія (каноны 3-й и 7-й), которыми отмѣняются прежнія церковныя запрещенія вѣрующимъ вступать въ ряды войска и занимать различныя гражданскія должности. То, что̀ прежде было воспрещено, вмѣняется теперь, въ виду мира, дарованнаго Константиномъ церкви, въ обязанность и во всякомъ случаѣ не считается влекущимъ за собою необходимость прекращенія общенія съ церковью. Во времена языческихъ императоровъ христіане-воины часто дезертировали и не осуждались за то своею церковною властью. Въ разсматриваемое время, напротивъ того, христіанскіе воины, покинувшіе свои знамена, разсматривались какъ покинувшіе защиту христіанской религіи и подлежали отлученію отъ церкви [2]). Равнымъ образомъ, въ языческое время христіане, занимавшіе различныя должности, въ виду того, что эти должности находились въ извѣстной связи съ языческимъ культомъ, должны были до окончанія срока своихъ должностей,

---

[1]) Что таковъ былъ обычай, существовавшій въ церквахъ запада еще въ III столѣтіи, въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ посланія Кипріана къ Антоніану, на которое намъ не разъ приходилось уже ссылаться. Et idcirco, говоритъ въ этомъ посланіи Кипріанъ,—frater carissime, poenitentiam nec agentes, ne dolorem delictorum suorum toto corde et manifesta lamentationis suae professione testantes, prohibendos omnino censuimus a spe communicationis et pacis, si in infirmitate atque in periculo coeperint deprecari; quia rogare illos non delicti poenitentia, sed mortis urgentis admonitio compellit, nec dignus est in morte accipere solatium, qui se non cogitavit esse moriturum (*Mansi*, I, 861; A и B).

[2]) Такъ вполнѣ правильно, по нашему мнѣнію, толкуетъ *Hefele* (Conciliengesch., I, 206—207) третій канонъ собора въ Арлѣ, гласящій: De his qui arma projiciunt in pace (то-есть, по наступленіи мира, дарованнаго Константиномъ церкви), placuit abstineri eos a communione.

воздерживаться отъ церковнаго общенія [1]). Правило это отмѣнено было 7-мъ канономъ собора въ Арлѣ. Кромѣ того, наши каноны содержатъ постановленія о недопущеніи къ церковному общенію такъ-называемаго aurigae и scenici, то-есть, возницъ цирка и актеровъ театра (кан. 4-й и 5-й).

Теперь мы должны обратиться къ разсмотрѣнію покаянныхъ правилъ, установленныхъ на помѣстныхъ соборахъ Восточной церкви — Анкирскомъ, Неокесарійскомъ и Гангрскомъ, и на первомъ вселенскомъ соборѣ въ Никеѣ. Правила эти хотя и не введены были сразу во всемъ своемъ объемѣ, въ особенности относительно степеней покаянія, въ церквахъ запада, тѣмъ не менѣе впослѣдствіи оказали большое вліяніе на покаянную систему Западной церкви.

Начало точному опредѣленію покаянной системы и классификаціи церковныхъ взысканій положено было на востокѣ знаменитымъ ученикомъ Оригена, епископомъ Понтскимъ, св. Григоріемъ Чудотворцемъ, написавшимъ между 258 и 262 годами посланіе къ сосѣднимъ епископамъ, въ которомъ онъ, по ихъ просьбѣ, излагаетъ свое воззрѣніе на то, какъ слѣдуетъ относиться къ тѣмъ, которые во время нашествія Готѳовъ и Скиѳовъ принимали участіе въ языческихъ жертвоприношеніяхъ, ѣли мясо принесенныхъ въ жертву животныхъ и совершали другія грѣховныя дѣянія [2]). Посланіе это никоимъ образомъ не можетъ быть названо полнымъ кодексомъ церковныхъ взысканій уже потому, что оно устанавливаетъ церковныя взысканія только относительно одного разряда грѣховныхъ дѣяній. Если его сопоставить съ памятниками церковнаго права Западной церкви, то его скорѣе можно сравнить съ тѣмъ кодексомъ о такъ-называемыхъ lapsi, который изданъ былъ Карѳагенскимъ соборомъ 251 года, чѣмъ, напримѣръ, съ Эльвирскими канонами. Тѣмъ не менѣе, это посланіе играетъ важную роль въ исторіи покаянной системы церкви въ томъ отношеніи, что въ немъ полагается основаніе различенію — такъ-называемымъ степенямъ покаянія (gradus, stationes poenitentiae). Эти степени покаянія были въ сущности степенями отлученія, такъ какъ ими выражалось лишеніе бо́льшаго или меньшаго количества церковныхъ правъ. Нераскаянный грѣшникъ вполнѣ отлучался отъ церкви, раскаявшійся принимался

---

[1]) Еще 56-й каноиъ Эльвирскаго собора постановлялъ: Magistratus vero uno anno quo agit duumviratum placet, ut se ab ecclesia cohibeat.

[2]) Посланіе это напечатано у *Питры*: Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta, I, 562.

въ общеніе съ церковью, но не сразу въ полное, а постепенно: ему, такъ-сказать, мало по малу возвращались права члена церкви. Съ теченіемъ времени за нѣкоторыя преступленія перестали опредѣлять полное отлученіе, а только частное, состоявшее въ лишеніи бо́льшаго или меньшаго количества церковныхъ правъ. Порядокъ отбыванія покаянія по степенямъ выработался примѣнительно къ порядку, установленному для оглашенныхъ [1]). Подобно тому, какъ лица, желавшія сдѣлаться членами церкви, не сразу получали всѣ церковныя права, и кающимся, желавшимъ возсоединиться съ церковью, не сразу возвращалась вся полнота церковныхъ правъ. Равнымъ образомъ, подобно тому, какъ оглашенные по количеству полученныхъ ими церковныхъ правъ дѣлились на разряды, и относительно кающихся установлены были подобныя подраздѣленія, сообразно съ количествомъ возвращенныхъ имъ церковныхъ правъ. Подобный порядокъ покаянія былъ, по справедливому замѣчанію профессора Суворова [2]), первоначально въ сущности только періодомъ испытанія и не могъ точно также быть разсматриваемъ съ точки зрѣнія наказанія, какъ и періодъ испытанія для оглашенныхъ. Но это только первоначально; впослѣдствіи же, когда степени покаянія перестали быть исключительно только степенями возсоединенія для вполнѣ отлученныхъ, а стали опредѣляться самосостоятельно и сдѣлались, такимъ образомъ. степенями не полнаго, если можно такъ выразиться, отлученія, то ихъ несомнѣнно стало возможнымъ разсматривать съ точки зрѣнія и наказанія. Въ покаянныхъ правилахъ Григорія Чудотворца степени покаянія опредѣляются самостоятельно, то-есть, какъ степени частнаго или неполнаго отлученія, служащія самостоятельнымъ наказаніемъ за извѣстныя грѣховныя дѣянія (сравн., напримѣръ, канонъ 8-й). Григоріемъ Чудотворцемъ различаются три степени покаянія, а именно: слушаніе (ἀκροασις), припаданіе (ὑποπτωσις) и стояніе съ вѣрными (στασις) [3]). Впрочемъ, все

---

[1]) Сравн. статью *Якобсона* въ *Herzog's* Realencyclopaedie, II, 473.

[2]) О церковныхъ наказаніяхъ, 64.

[3]) Въ одинадцатомъ канонѣ Григорія Чудотворца, въ отличіе отъ остальныхъ упоминается еще одна степень покаянія, а именно προσλαυσις, и подробно опредѣляется характеръ каждой покаянной степени. Мы не приняли въ соображеніе этого канона при изложеніи въ текстѣ содержанія правилъ Григорія Чудотворца въ виду того, что́ говоритъ по поводу этого канона Питра (l. c. p. 566): deest in vatic omnibus, in octo bodl. in valliell in petrob. in mosquensi: unde vix dubium quin scholium sit ex canone 75 Basilii illic translatum. Того же мнѣнія и большинство современныхъ ученыхъ.

ученіе о степеняхъ покаянія излагается въ самыхъ общихъ выраженіяхъ безъ точнаго опредѣленія, въ чемъ именно состояла каждая изъ указанныхъ выше степеней, и не можетъ считаться вполнѣ установившимся.

Въ концѣ III и въ началѣ IV столѣтія ученіе о степеняхъ покаянія получило дальнѣйшее развитіе на небольшихъ соборахъ помѣстныхъ восточныхъ церквей, которые, по весьма вѣроятному предположенію Франка [1]), собирались въ указанное время для болѣе точнаго опредѣленія церковной дисциплины. До насъ не дошло свѣдѣній о такихъ соборахъ, но на фактъ, что они дѣйствительно происходили, указываетъ то обстоятельство, что ученіе о трехъ степеняхъ покаянія разсматривается отцами великаго собора, бывшаго въ Анкирѣ въ 314 году, какъ вполнѣ установленное прежними каноническими правилами и общеизвѣстное.

Обращаемся теперь къ дѣяніямъ Анкирскаго собора.

Анкирскіе покаянные каноны, хотя и не представляютъ такого полнаго и подробнаго кодекса церковныхъ наказаній, какой заключается въ современныхъ имъ эльвирскихъ канонахъ, тѣмъ не менѣе все-таки могутъ быть подведены къ одному типу съ ними. Въ нихъ положено основаніе тому взгляду на церковныя взысканія, который получилъ полное господство въ правилахъ Василія Великаго, вслѣдствіе чего въ этихъ послѣднихъ за покаяніемъ окончательно упрочились черты наказанія [2]). Въ подтвержденіе нашего мнѣнія изложимъ вкратцѣ содержаніе анкирскихъ покаянныхъ каноновъ. Что касается цикла грѣховныхъ дѣяній, за которыя на Анкирскомъ соборѣ назначены были церковныя взысканія, то необходимо обратить вниманіе на то, что, не смотря на краткость покаянныхъ правилъ этого собора, циклъ этотъ обнимаетъ собою всѣ важнѣйшія прегрѣшенія. Такъ, въ разбираемыхъ нами канонахъ упоминаются слѣдующіе грѣхи: отпаденіе отъ вѣры и идолослуженіе (кан. 1—9), содомскій грѣхъ (кан. 16—17), изгнаніе плода (кан. 21), прелюбодѣяніе (кан. 20), убійство (кан. 22—23) и волхвованіе (кан. 24). За каждое изъ этихъ прегрѣшеній назначается опредѣленное церковное взыска-

---

[1]) *Franck.* Bussdisciplin, 567 и 568.

[2]) По нашему мнѣнію, правила Василія Великаго являются заключительнымъ звеномъ длинной цѣпи долгаго историческаго процесса развитія, заключавшагося въ медленномъ и постепенномъ преобразованіи воззрѣнія на существо церковныхъ взысканій.

ніе, состоящее главнымъ образомъ въ отлученіи на извѣстный срокъ и въ покаяніи. При этомъ опредѣляются не только сроки отлученія и покаянія вообще, но и указывается, какъ въ предѣлахъ этихъ сроковъ время отлученія и покаянія распредѣляется между отдѣльными покаянными степенями. Такъ, напримѣръ, 9-й канонъ постановляетъ относительно тѣхъ, которые не только отпали отъ вѣры, но и учинились врагами церкви, слѣдующее: „три года да укажется имъ мѣсто между слушающими, шесть лѣтъ между припадающими, одинъ годъ да будутъ они въ общеніи, кромѣ причащенія, однимъ словомъ такъ, чтобъ они, не прежде, какъ исполнивъ десятилѣтіе, получали совершенное общеніе". Равнымъ образомъ, ученіе о степеняхъ покаянія является вполнѣ опредѣлившимся. Наши каноны точно опредѣляютъ и обозначаютъ три степени покаянія окончательно установившіяся въ современной имъ практикѣ церкви [1]). Наконецъ, анкирскіе каноны полагаютъ основаніе и ученію о вмѣненіи и о различныхъ степеняхъ виновности, дѣлая различіе между убійствомъ вольнымъ и невольнымъ.

Въ виду всего сказаннаго анкирскіе каноны несомнѣнно должны быть признаны памятниками одного типа съ современными имъ эльвирскими канонами и съ позднѣйшими правилами Василія Великаго. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что они имѣютъ болѣе сходства съ правилами Василія Великаго, чѣмъ съ эльвирскими канонами. А именно съ эльвирскими канонами они сходны только въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, между тѣмъ какъ съ правилами Василія Великаго они являютъ во всѣхъ отношеніяхъ одни и тѣ же начала.

Различіе между канонами анкирскими и эльвирскими заключается въ томъ, что анкирскіе каноны, хотя несомнѣнно разсматриваютъ церковныя взысканія какъ наказанія, тѣмъ не менѣе обращаютъ вниманіе и на другое, первоначальное и преимущественное, такъ сказать, значеніе церковныхъ взысканій, какъ мѣръ исправительныхъ и средствъ, врачующихъ больную нравственно душу человѣка, совершившаго грѣхъ. Подобное воззрѣніе ясно выразилось въ 5-мъ канонѣ Анкирскаго собора, въ значительной степени умѣряющемъ и приводящемъ въ должную норму общій характеръ формализма въ назначеніи церковныхъ взысканій. „Но епископы"—читаемъ въ этомъ

---

[1]) Кромѣ того, есть указаніе и на то, что въ разсматриваемое время образовалась еще одна степень покаянія, а именно степень плача. Указаніе это находится въ кан. 17 (сравн. *Hefele* Conciliengesch., I, 235—236.

канонѣ, — „да имѣютъ власть, испытавъ образъ обращенія, человѣколюбствовать или же назначить большее время покаянія. Болѣе всего да испытуется житіе, предшествовавшіе паденію и послѣдовавшее за онымъ, и такимъ образомъ, да размѣряется человѣколюбіе". Главнымъ же образомъ о томъ, что Анкирскимъ соборомъ обращено было должное вниманіе на первоначальное значеніе церковныхъ взысканій, свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что этимъ соборомъ нигдѣ не устанавливается отлученія навсегда, а самое тягчайшее взысканіе, которое опредѣляется за самыя тяжкія преступленія, состоитъ въ лишеніи причащенія на всю жизнь, причемъ раскаявшійся грѣшникъ возсоединяется съ церковью на смертномъ одрѣ и удостаивается св. причащенія. Напротивъ того, какъ мы видѣли выше, въ эльвирскихъ канонахъ карательный элементъ въ церковныхъ взысканіяхъ и формализмъ въ назначеніи этихъ взысканій, приведенные Анкирскимъ соборомъ въ должную норму, доведены до крайности. Такимъ образомъ анкирскіе и эльвирскіе каноны, хотя и памятники одного типа, тѣмъ не менѣе различаются другъ отъ друга во многихъ весьма важныхъ отношеніяхъ.

Мы замѣтили выше, что анкирскіе каноны во всѣхъ отношеніяхъ являютъ одни и тѣ же начала съ позднѣйшими правилами Василія Великаго. Въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ имѣть случай убѣдиться, что всѣ тѣ характеристическія черты, на которыя указываютъ въ правилахъ Василія Великаго, какъ на придающія покаянной системѣ этого отца церкви вполнѣ своеобразный, рѣзко отличающійся отъ первоначальнаго характера церковной дисциплины, обликъ, могутъ быть указаны и въ анкирскихъ канонахъ. Такимъ образомъ, эти каноны являются началомъ того развитія покаянной системы, послѣднее звѣно котораго представляютъ собою правила Василія Великаго.

Чтобы окончить обозрѣніе покаянныхъ правилъ, установленныхъ на соборахъ восточной церкви въ разсматриваемомъ періодѣ, намъ необходимо познакомиться еще съ дѣяніями соборовъ Неокесарійскаго, перваго вселенскаго и Гангрскаго.

Покаянныя правила Неокесарійскаго собора имѣютъ въ высшей степени фрагментарный характеръ; слѣдовательно, соборъ не имѣлъ въ виду полнаго изложенія современной ему покаянной системы. Установленіе подобнаго воззрѣнія на значеніе неокесарійскихъ каноновъ важно, по нашему мнѣнію, въ томъ отношеніи, что имъ устраняется возможность невѣрнаго заключенія о характерѣ современной Неокесарійскому собору церковной дисциплины вообще. А именно,

нѣкоторыми изслѣдователями покаянная система церкви, современная Анкирскому и Неокесарійскому соборамъ, считается чѣмъ-то въ высшей степени не установившимся и въ высшей степени разнообразнымъ въ практикѣ отдѣльныхъ восточныхъ церквей [1]). Въ подтвержденіе этого мнѣнія приводится, между прочимъ, и то обстоятельство, что Неокесарійскій соборъ, собиравшійся почти одновременно съ Анкирскимъ, не оставилъ вовсе указаній на прохожденіе покаянія по степенямъ, между тѣмъ какъ постановленія о подобномъ прохожденіи находятся въ правилахъ Анкирскаго собора [2]). Но это доказательство теряетъ свою убѣдительность, если признать, что отцы Неокесарійскаго собора не имѣли намѣренія изложить въ полномъ составѣ современную имъ покаянную систему, а издали только нѣсколько покаянныхъ правилъ, установленіе которыхъ требовалось обстоятельствами времени. Мнѣніе наше потверждается и самымъ текстомъ соборныхъ дѣяній, изъ котораго явствуетъ, что соборъ призналъ необходимымъ установить только нѣсколько спеціальныхъ покаянныхъ правилъ, покаянную же систему вообще считалъ вполнѣ установившеюся и ссылался на оную, какъ на таковую. Такъ въ канонѣ III-мъ читаемъ: „Περὶ τῶν πλείστοις γάμοις περιπιπτόντων ὁ μὲν χρόνος σαφὴς ὁ ὡρισμένος...“. Вотъ почему изъ того обстоятельства, что въ правилахъ собора Анкирскаго упоминаются степени покаянія, а въ дѣяніяхъ собора Неокесарійскаго нѣтъ указанія на оныя, нельзя еще выводить заключенія о разнообразіи въ покаянной практикѣ отдѣльныхъ восточныхъ церквей въ разсматриваемое время. Наконецъ, укажемъ и на то обстоятельство, что, не смотря на краткость и неясность неокесарійскихъ каноновъ, изъ чтенія ихъ легко убѣдиться, что и воззрѣніе отцевъ Неокесарійскаго собора на самое существо церковныхъ взысканій было то же самое, что̀ воззрѣніе отцевъ Анкирскаго собора. Въ подтвержденіе этого мы можемъ сослаться на указанный выше третій канонъ Неокесарійскаго собора, гдѣ послѣ указанія на то, что за многобрачіе установленъ точный срокъ покаянія, замѣчается, что подобное точное опредѣленіе не должно быть понимаемо буквально, что обращеніе и вѣра сокращаютъ время и даютъ возможность принять прегрѣшившаго въ общеніе съ церковью ранѣе опредѣленнаго срока. Это въ свою очередъ указываетъ на то, что отцы Неокесарійскаго собора, подобно

[1]) *Суворовъ*, 65.
[2]) *Суворовъ*, 66.

отцамъ собора Анкирскаго, заботились о томъ, чтобы формализмъ въ опредѣленіи церковныхъ взысканій былъ приведенъ въ должную норму.

Никейскіе каноны также не содержатъ въ себѣ подробныхъ покаянныхъ правилъ; тѣмъ не менѣе они играютъ важную роль въ исторіи церковныхъ взысканій, вопервыхъ—потому, что въ нихъ впервые выразилась общецерковная законодательная дѣятельность относительно церковныхъ взысканій, а вовторыхъ — потому, что въ нихъ указывается воззрѣніе вселенской церкви на самое существо отлученія и покаянія. Въ виду этого мы считаемъ необходимымъ познакомиться ближе съ содержаніемъ этихъ каноновъ.

Важнѣйшій изъ покаянныхъ каноновъ Никейскаго собора—это канонъ тринадцатый. Канонъ этотъ изложенъ слѣдующимъ образомъ. „О находящихся при исходѣ жизни, да соблюдается и нынѣ древній законъ церкви, чтобъ отходящій не былъ лишаемъ послѣдняго и нужнѣйшаго напутствія. Если же, послѣ того, какъ отчаялись въ его жизни, и онъ былъ сподобленъ причащенія, онъ снова вернется къ жизни, да будетъ онъ между участвующими только въ молитвѣ. Вообще всякому отходящему, кто бы ни былъ, просящему причаститься евхаристіи, со испытаніемъ да преподастъ епископъ". Въ этомъ канонѣ окончательно авторитетомъ всей церкви разрѣшено было существовавшее между различными церквами разногласіе о томъ, могутъ ли лица, совершившія смертный грѣхъ послѣ крещенія, быть возсоединяемы съ церковью и удостоиваемы св. причащенія. Церковь безусловно высказалась за допущеніе на смертномъ одрѣ къ причащенію всѣхъ грѣшниковъ, принесшихъ раскаяніе и желающихъ сподобиться причащенія святыхъ таинъ. Очевидно, что, согласно этому правилу, и совершившимъ смертный грѣхъ не могло быть отказано въ причащеніи на смертномъ одрѣ.

Нельзя не признать, что приведеннымъ правиломъ Никейскаго собора окончательно выяснено истинное значеніе церковныхъ взысканій, которыя должны разсматриваться преимущественно не какъ наказанія за грѣхъ, а какъ исправительныя мѣры, принимаемыя церковью для побужденія грѣшниковъ раскаяться и обратиться къ Богу. Вотъ почему отлученіе навсегда и устранено было изъ покаянной системы церкви тринадцатымъ правиломъ Никейскаго собора [1]).

---

[1]) Правило это можетъ быть равнымъ образомъ приведено и въ подтвержденіе высказаннаго нами выше мнѣнія, что совершившіе смертный грѣхъ послѣ

Изъ остальныхъ каноновъ Никейскаго собора необходимо обратить вниманіе на тѣ, въ которыхъ говорится о покаянныхъ степеняхъ. Это каноны 11-й и 12-й. Въ одинадцатомъ канонѣ читаемъ: „Объ отступникахъ отъ вѣры, не по принужденію, или не по причинѣ отъятія имуществъ, или опасности или чего-либо подобнаго, какъ то случилось въ Лициніево гоненіе, соборъ опредѣлилъ: являть милость имъ, хотя они и не достойны человѣколюбія. Которые изъ нихъ искренно покаются, тѣ, если они уже принадлежали къ числу вѣрныхъ (то-есть, были уже крещены), да проведутъ между слушающими три года и семь лѣтъ да припадаютъ въ церкви; два же года да участвуютъ въ молитвахъ съ народомъ, кромѣ причащенія святыхъ таинъ".

Интересенъ приведенный канонъ въ слѣдующихъ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому, что въ немъ ясно различаются и окончательно узаконяются установившіяся въ Восточной церкви путемъ обычая въ концѣ III и въ началѣ IV столѣтія и признанныя уже, какъ мы видѣли выше на Анкирскомъ помѣстномъ соборѣ, три степени покаянія, такъ что съ одной стороны невозможно сомнѣваться въ томъ, что уже во времена Никейскаго собора существовалъ вполнѣ опредѣленный порядокъ отбыванія покаянія, а съ другой—ясно, что въ разсматриваемое время не было еще четырехъ степеней покаянія; во-вторыхъ, потому, что онъ неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, что церковныя взысканія по существу своему—преимущественно не мѣры наказанія, а мѣры исправленія, ибо даже за такое тяжкое прегрѣшеніе, какъ добровольное отпаденіе отъ вѣры, назначается не отлученіе навсегда, а только на извѣстный срокъ.

Въ 12-мъ канонѣ, въ которомъ назначается 13-лѣтнее пребываніе въ первыхъ двухъ покаянныхъ степеняхъ тѣмъ христіанамъ-воинамъ, которые, будучи на службѣ у императора Лициніи и увѣровавъ въ Бога истиннаго, покинули сперва знамена вождя-язычника, но по-

---

крещенія и въ предшествующія разсматриваемому времена, то-есть, во II и въ III вѣкахъ, въ большинствѣ христіанскихъ помѣстныхъ церквей допускались, послѣ принесенія ими дѣйствительнаго раскаянія и покаянія, къ возсоединенію съ Богомъ, и что ученіе о недопущеніи церковно-виновныхъ въ смертномъ грѣхѣ было только особенностью нѣкоторыхъ (преимущественно западныхъ) помѣстныхъ церквей. А именно, отцы Никейскаго собора, установляя разобранное нами въ текстѣ правило, говорятъ, что дѣйствуютъ въ духѣ древняго церковнаго закона. Этимъ указывается, что соборное опредѣленіе основано на преобладавшемъ издревле въ большинствѣ помѣстныхъ церквей обычаѣ

томъ, въ виду различныхъ земныхъ благъ, снова возвратились въ ряды языческой рати [1]), замѣчательна слѣдующая вторая половина: „Относительно всѣхъ подобныхъ надлежитъ обращать вниманіе на внутреннее душевное настроеніе и образъ раскаянія. Ибо, которые со страхомъ, и слезами, и терпѣніемъ, и благотвореніями, обращеніе являютъ дѣломъ, а не по наружности, — тѣхъ, по исполненіи опредѣленнаго времени слушанія, прилично будетъ принимать въ общеніе молитвъ. Даже да дозволено будетъ епископу отнестись къ нимъ еще человѣколюбивѣе. А тѣ, которые равнодушно понесли отлученіе и видъ вхожденія въ церковь сочли для себя довольнымъ къ обращенію, тѣ всецѣло да исполнятъ время покаянія".

Въ только что приведенномъ правилѣ дается толкованіе того, какъ слѣдуетъ относиться къ каноническимъ опредѣленіямъ сроковъ покаянія. Епископу не вмѣняется въ обязанность буквальное и чисто-формальное пониманіе этихъ сроковъ. Напротивъ того, онъ главнымъ образомъ долженъ обращать вниманіе на внутреннее настроеніе кающагося, выражающееся въ усердіи къ благочестивымъ упражненіямъ и благотвореніямъ. Такимъ образомъ дѣйствительное раскаяніе и прилежаніе къ добрымъ дѣламъ значительно могутъ сократить сроки покаянія. Слѣдовательно, главное значеніе покаянія никейскіе каноны усматриваютъ въ томъ, что оно должно служить грѣшнику къ укрѣпленію въ немъ нравственнаго начала, каковое торжество добра надъ зломъ во внутреннемъ настроеніи кающагося должно выражаться внѣшнимъ образомъ въ молитвѣ, въ благочестивыхъ упражненіяхъ и въ благотвореніяхъ. Вотъ какимъ образомъ въ правилахъ Никейскаго собора согласованъ новый характеръ церковныхъ взысканій, какъ наказаній, въ смыслѣ опредѣленныхъ каноническими правилами воздаяній за различныя грѣховныя дѣянія, съ прежнимъ значеніемъ ихъ, какъ исправительныхъ мѣръ, споспѣшествующихъ грѣшнику примириться съ Богомъ и церковью.

Мы не остановимся подробно на разборѣ постановленій Гангрскаго собора, такъ какъ эти постановленія имѣли меньшее, сравнительно съ постановленіями другихъ соборовъ разсматриваемаго времени, вли-

---

[1]) Таково толкованіе, которое даетъ началу 12-го канона извѣстный историкъ соборовъ *Гефеле*, епископъ Роттенбургскій (Conciliengeschichte, I, 415—416). Что здѣсь дѣло идетъ не о запрещеніи военной службы вообще, это доказано тѣмъ же Гефеле въ статьѣ, помѣщенной въ *Tuebinger theologischer Quartalschrift* (Jahrgang 1841, p. 386).

яніе на покаянную систему западной церкви, составляющую главный предметъ нашего изслѣдованія. Упомянемъ только, что гангрскіе каноны отличаются крайнею суровостью. А именно, соборъ соединилъ всѣ свои постановленія съ анаѳемою на противомыслящихъ, означающею здѣсь не только отлученіе отъ церкви, но и совершенное отсѣченіе отъ всего христіанскаго общества. Но было бы невѣрно предположить, на основаніи этого суроваго характера гангрскихъ каноновъ, что ко времени ихъ составленія произошелъ коренной переворотъ въ воззрѣніяхъ церкви на существо церковныхъ взысканій. Причину такой строгости соборныхъ постановленій слѣдуетъ, по справедливому замѣчанію преосвященнаго Іоанна въ его Курсѣ церковнаго законовѣдѣнія (томъ I, стр. 373), искать въ обстоятельствахъ времени, въ крайнемъ злѣ ученія Евстафіанъ, противъ котораго направлены гангрскіе каноны, и которое являлось не только противохристіанскимъ, но и противообщественнымъ, такъ какъ подрывало самыя основы жизни нравственной, христіанской и общественной. Въ заключеніе замѣтимъ, что нѣкоторые западные изслѣдователи видятъ въ гангрскихъ канонахъ зачатки такъ называемыхъ excommunicationes latae sententiae [1]).

Переходимъ теперь къ покаяннымъ правиламъ отцевъ Восточной церкви. Изъ этихъ правилъ нами указано уже на правила Григорія Чудотворца въ связи съ исторіей покаянной системы въ томъ видѣ, какъ она выразилась въ покаянныхъ правилахъ соборовъ. Изъ остальныхъ покаянныхъ правилъ св. отцевъ на дисциплинарную систему Западной церкви имѣли вліяніе главнымъ образомъ правила Василія Великаго, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и обращаемся.

Мы замѣтили выше, что начала, легшія въ основу покаянныхъ правилъ Анкирскаго собора, во всѣхъ отношеніяхъ сходны съ началами, проводимыми въ правилахъ Василія Великаго, такъ что, по нашему мнѣнію, нельзя признать правильнымъ воззрѣніе, по которому точка зрѣнія Василія Великаго на покаяніе существенно отличается отъ господствовавшаго въ прежнее время взгляда [2]). Для того, чтобы убѣдиться въ правильности нашего воззрѣнія, постараемся выяснить себѣ, въ чемъ, по мнѣнію противоположному нашему, заключаются характеристическія особенности покаянной системы Василія Великаго, и посмотримъ, окажутся ли эти характеристическія

[1]) *Richter*. Lehrbuch des Kirchenrechts. 7-te Auflage, p. 651, n. 7.
[2]) *Суворовъ*, 65—69.

черты присущими только правиламъ указаннаго отца церкви, или общими этимъ правиламъ съ покаянными канонами Анкирскаго собора.

Прежде всего указываютъ на то, что основная мысль, на которой покоятся правила Василія Великаго, заключается въ томъ, что извѣстное число лѣтъ требуется для очищенія отъ такого-то грѣха; напротивъ, другое число лѣтъ потребно для очищенія отъ другого. Слѣдовательно—выводятъ далѣе заключеніе—Василій Великій разсматриваетъ покаяніе съ точки зрѣнія наказанія. Все это несомнѣнно, и на это, между прочимъ, кромѣ общаго характера покаянныхъ опредѣленій, указываютъ и самые термины δίκη, ἐπιτίμιον и δημοσιαι καταδίκαι, которыми Василій Великій обозначаетъ публичное покаяніе [1]). Но въ то же самое время правила Василія Великаго не отличаются отъ соборныхъ правилъ первой половины IV вѣка, такъ какъ и въ сихъ послѣднихъ покаяніе разсматривается какъ наказаніе, назначаются различные сроки покаянія и распредѣляются въ свою очередь по отдѣльнымъ покаяннымъ степенямъ, въ примѣненіи къ отдѣльнымъ грѣхамъ. Затѣмъ, утверждаютъ, что Василій Великій видитъ въ покаяніи почти исключительно наказаніе. Съ этимъ положительно нельзя согласиться. Намъ кажется, что идея исправленія и предоставленія грѣшнику способа примириться съ Богомъ и церковью находится къ идеѣ наказанія въ правилахъ Василія Великаго въ такомъ же отношеніи, въ какомъ эти двѣ идеи находились другъ къ другу въ покаянныхъ канонахъ соборовъ первой половины IV в., а именно, что новая идея покаянія не вытѣснила собою прежнюю идею исправленія, а была приведена съ нею въ органическую связь, при чемъ первенствующее значеніе осталось все-таки за прежнею, искони присущею покаянію идеей исправленія. Это видно, какъ изъ того, что Василій Великій нерѣдко говоритъ о покаяніи, какъ о средствѣ, врачующемъ нравственно больную душу грѣшника (кан. 2-й), и полагаетъ существо этого средства въ удаленіи отъ грѣха (кан. 4-й), такъ и изъ общаго опредѣленія основнаго значенія покаянія, находящагося въ канонѣ 84-мъ, гдѣ прямо говорится, что о покаяніи „мы не по одному времени судимъ, но и взираемъ на образъ покаянія“, и что необходимо „да испытуются плоды покаянія“. Далѣе, уже изъ того обстоятельства, что правила Василія Великаго, по свидѣтельству ихъ самихъ, непосредственно заимствованы изъ обычаевъ церкви, правилъ святыхъ отцевъ и соборныхъ каноновъ, видно, что принципіальнаго

[1]) Ср. кан. 2, 50.

различія между изложенною въ нихъ и непосредственно предшествовавшею ихъ составленію покаянною системой быть не могло. Однимъ словомъ, какъ указано нами выше, правила Василія Великаго представляютъ собою не что иное, какъ послѣднее звено развитія покаянной системы IV вѣка, первымъ звеномъ которой являются анкирскіе каноны. Въ этомъ-то и заключается главное значеніе правилъ Василія Великаго, что въ нихъ сведены были воедино всѣ источники церковнаго дисциплинарнаго права IV вѣка, а равнымъ образомъ, получили полное развитіе нѣкоторыя ученія, находящіяся только въ зачаточномъ видѣ въ предшествовавшихъ памятникахъ, какъ напримѣръ ученіе о грѣхахъ вольныхъ и невольныхъ. Въ заключеніе, для правильной оцѣнки значенія покаянныхъ правилъ Василія Великаго слѣдуетъ обратить вниманіе и на то, что ученіе о степеняхъ покаянія, хотя и вполнѣ обоснованное въ покаянныхъ канонахъ Анкирскаго и Никейскаго соборовъ, полнаго развитія достигло только въ правилахъ Василія Великаго, гдѣ мы уже встрѣчаемся съ четырьмя покаянными степенями, а именно съ тремя древними и съ вновь образовавшеюся степенью плача.

Чтобы закончить обозрѣніе памятниковъ дисциплинарнаго права Восточной церкви, имѣвшихъ впослѣдствіи вліяніе на покаянную систему запада, необходимо обратить вниманіе на сборникъ апостольскихъ правилъ, составленный въ концѣ IV вѣка [1]). Этотъ памятникъ, заключающій въ себѣ по нѣкоторымъ спискамъ 50, а по другимъ 85 каноновъ, въ особенности важенъ для исторіи такъ-называемыхъ особенныхъ церковныхъ наказаній, то-есть, наказаній, налагаемыхъ на клириковъ и состоящихъ въ потерѣ или пораженіи спеціальныхъ правъ, вытекающихъ изъ особаго положенія клириковъ въ составѣ церковнаго общества [2]). Что же касается общихъ церковныхъ взысканій, исторіей которыхъ мы теперь занимаемся, то изъ апостольскихъ правилъ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе правило 52-е, согласно которому грозится лишеніемъ священнаго сана епископу и пресвитеру, не пріемлющимъ обращающагося отъ грѣха. Здѣсь, слѣдовательно, мы встрѣчаемся съ воззрѣніемъ на покаяніе, которое,

[1]) Правила св. апостоловъ и мужей апостольскихъ сохранялись первоначально посредствомъ устнаго преданія. Затѣмъ въ III и IV вѣкахъ они были записаны и приспособлены къ современнымъ отношеніямъ, а въ концѣ IV вѣка изъ нихъ составленъ былъ сборникъ. Срав. *Bickell*. Geschichte des Kirchenrechts, I, 83—84.

[2]) *Суворовъ*, 226.

какъ мы указали выше, господствовало въ церкви въ первыя три столѣтія христіанскаго лѣточисленія и окончательно утверждено было на Никейскомъ соборѣ, и согласно которому, предписывалось принимать всѣхъ кающихся грѣшниковъ, даже совершившихъ смертный грѣхъ. Въ правилахъ, опредѣляющихъ церковныя взысканія за отдѣльныя прегрѣшенія, ни сроки, ни способы отбытія взысканія не указываются. Въ большинствѣ случаевъ угрожается отлученіемъ безъ дальнѣйшаго опредѣленія подробностей. Это указываетъ на глубокую древность правилъ не только относительно содержанія, но и относительно формы. Въ заключеніе замѣтимъ, что апостольскія правила имѣли большое вліяніе и на покаянную систему Западной церкви, не смотря то, что они на Римскомъ соборѣ, бывшемъ при папѣ Гелазіи, признаны были апокрифическими и отвергнуты.

Вотъ тотъ циклъ памятниковъ дисциплинарнаго права Восточной церкви, который послужилъ впослѣдствіи источникомъ для составителей западно-европейскихъ сборниковъ покаянныхъ правилъ (libri poenitentiales).

Переходя теперь къ покаянной системѣ Западной церкви во второй половинѣ IV и въ первой V столѣтія, мы прежде всего должны отмѣтить замѣчательный фактъ, что на сколько выработавшееся въ IV вѣкѣ въ Восточной церкви покаянное право играло видную роль въ позднѣйшей исторіи покаянной системы Западной церкви, на столько же оно лишено было всякаго значенія въ современной ему западно-европейской церковной практикѣ.

Несомнѣнно, что основное воззрѣніе вселенской церкви на существо покаянія, выразившееся въ 13-мъ канонѣ Никейскаго собора, пользовалось на западѣ такимъ же признаніемъ, какъ и на востокѣ [1]); но тотъ порядокъ отбыванія церковныхъ взысканій, который, какъ мы видѣли выше, установился на востокѣ въ началѣ IV вѣка, былъ принятъ на Никейскомъ соборѣ и состоялъ въ назначеніи для отдѣльныхъ прегрѣшеній опредѣленныхъ сроковъ покаянія, распредѣлявшихся въ свою очередь по покаяннымъ степенямъ,—не получилъ въ разсматриваемое время господства въ Западной церкви. Здѣсь, за исключеніемъ Испанской церкви, имѣвшей свои эльвирскіе каноны, не опредѣлено было точныхъ сроковъ покаянія за отдѣльныя грѣ-

[1]) Впрочемъ, что всѣхъ кающихся грѣшниковъ, даже совершившихъ смертный грѣхъ, слѣдуетъ принимать въ общеніе съ церковью, было исконнымъ воззрѣніемъ Римской церкви.

ховныя дѣянія, не проведено было начало дѣленія кающихся по степенямъ покаянія, а назначеніе сроковъ предоставлено было, вмѣстѣ съ опредѣленіемъ самого порядка отбыванія взысканій, по прежнему на усмотрѣніе епископа. Въ виду этого вся покаянная система Западной церкви въ разсматриваемый періодъ является въ высшей степени простою и несложною. Вся она вѣрно выражена и точно описана въ немногихъ словахъ папою Иннокентіемъ I въ посланіи къ Деценцію [1]). Вотъ эти слова: „De poenitentibus vero, qui sive ex gravioribus commissis, sive ex levioribus poenitentiam gerunt, si nulla interveniat aegritudo, quinta feria ante pascha eis remittendum Romanae ecclesiae consuetudo demonstrat. Ceterum de pondere aestimando delictorum, sacerdotis est judicare, ut attendat ad confessionem poenitentis, et ad fletus atquae lacrymas corrigentis, ac tunc jubere dimitti, cum viderit congruam satisfactionem. Sane si quis in aegritudinem inciderit, atque usque ad desperationem devenerit, ei est ante tempus paschae relaxandum, ne de saeculo absquae communione discedat". Равнымъ образомъ, и въ дѣяніяхъ знаменитаго Карѳагенскаго собора 419 года, такъ точно разрѣшившаго различные вопросы церковнаго управленія и составившаго настоящій сводъ постановленій предшествовавшихъ африканскихъ соборовъ, мы не встрѣчаемъ точно опредѣленнаго порядка покаянія. Назначеніе сроковъ покаянія грѣшникамъ всецѣло предоставляется епископу. „Ut poenitentibus, pro peccatorum differentia, episcoporum judicio poenitentiae tempus constituatur [2]). Вотъ все, что̀ говорится въ карѳагенскихъ канонахъ о томъ, какъ опредѣлять покаяніе прегрѣшающимъ.

Для полной характеристики покаянной системы разсматриваемаго періода необходимо упомянуть еще объ одномъ постановленіи папы Сириція, которымъ правило о возсоединеніи съ церковью всѣхъ кающихся на смертномъ одрѣ распространено и на совершившихъ смертный грѣхъ **во второй разъ**, то-есть, послѣ отбытія публичнаго покаянія за совершенный впервые послѣ крещенія смертный грѣхъ [3]), и о

---

[1]) *Mansi*, III, 1030.

[2]) Ср. can. 46 consilii Carthagenensis въ Σύνοδικον *Бевсриджа*, I, 568.

[3]) Совершившихъ смертный грѣхъ во второй разъ папа, какъ видимъ изъ его посланія къ Гимерію, епископу Тарраконскому (*Mansi*, III, 657), допускаетъ къ участію въ церковномъ богослуженіи и къ присутствованію при совершеніи таинства евхаристіи, но причащеніе св. таинъ разрѣшаетъ удостоивать ихъ только тогда «cum ad dominum coeperint proficisci».

двухъ канонахъ Карѳагенскаго собора (46-мъ и 133-мъ), ограничивающимъ циклъ грѣховныхъ дѣяній, за которыя полагается публичное покаяніе, въ томъ отношеніи, что для примѣненія публичнаго покаянія требуется совершеніе явнаго грѣха или добровольное публичное признаніе въ тайно совершенномъ грѣхѣ [1]).

Таковъ былъ общій характеръ покаянной системы разсматриваемаго періода. Посмотримъ теперь, каковъ былъ взглядъ Западной церкви на отдѣльныя покаянныя дѣйствія. Не смотря на то, что главное значеніе въ покаяніи приписывалось дѣйствительному раскаянію, тѣмъ не менѣе и тѣ благочестивыя упражненія, которыми сопровождалось покаяніе, и въ этотъ періодъ имѣли въ извѣстной степени самостоятельное значеніе. При покаяніи за тяжкія прегрѣшенія они споспѣшествовали покаянію, а при покаяніи за маловажные грѣхи, за такъ-называемыя delicta quotidiana, они заключали въ себѣ все покаяніе, и какъ умилостивительная жертва, погашали собою проступокъ. Блаженный Августинъ упоминаетъ о peccata quotidiana, какъ о такихъ прегрѣшеніяхъ „pro quibus etiam sacrificia eleemosynarum, jejuniorum et ipsarum orationum ac supplicationum quisque pro suis viribus offerre non cessat“ [2]). Въ особенности стали разсматриваться такъ милостыни бѣднымъ и пожертвованія церкви, устраивавшей на пожертвованныя деньги различныя благотворительныя учрежденія и покрывавшей этими деньгами расходы на богослуженіе и содержаніе клира [3]). Какъ на умилостивительную жертву, смотрятъ на милостыни и пожертвованія въ церковь два великіе іерарха разсматриваемаго времени—Амвросій Медіоланскій и папа Левъ Великій. „Pecuniam habes, говоритъ Амвросій Медіоланскій [4]),—redime peccatum tuum. Non venalis est Dominus, sed tu ipse venalis es: redime te operibus tuis, redime te pecunia tua“. Еще опредѣленнѣе выражается

---

[1]) У Блаженнаго Августина циклъ прегрѣшеній, за которыя назначается публичное покаяніе, опредѣленъ подобнымъ же образомъ. Sermo 151 de poenitentia (S. Augustini operum tomus V. Parisiis 1683, p. 1359): Nos vero a communione prohibere quemquam non possumus, nisi aut sponte confessum, aut in aliquo sive saeculari sive ecclesiastico judicio nominatum atque convictum.

[2]) S. Augustini l. c. p. 1355.

[3]) Папа Геласій въ посланіи къ епископамъ южной Италіи и Сициліи (Bullarium Romanor. Pontif., I, 107) предписываетъ дѣлить пожертвованія вѣрующихъ на четыре части «quarum sit una pontificis, altera clericorum, pauperum tertia, quarta fabricis applicanda».

[4]) De Elia jejunio, c. 20.

Левъ Великій [1]): „Si quid culparum in hac terrena habitatione contrahitur, eleemosynis deletur".

Хотя такое воззрѣніе на благочестивыя покаянныя дѣйствія, какъ на умилостивительную жертву, установилось только въ сферѣ покаянія за маловажныя прегрѣшенія, тѣмъ не менѣе нельзя не обратить на оное вниманія, такъ какъ оно впослѣдствіи послужило исходной точкой для всего ученія о пенитенціяхъ въ церковномъ правѣ кельтическихъ и германскихъ народовъ. Эти младенствующіе народы не могли сразу усвоить себѣ истинно-христіанское высоконравственное значеніе покаянія: взглядъ на покаяніе, какъ на умилостивительную жертву, былъ гораздо болѣе доступенъ ихъ пониманію; вотъ почему они примѣнили его не только къ покаянію за маловажныя прегрѣшенія, но и къ покаянію за самые тяжкіе грѣхи [2]).

Подведемъ теперь итоги всему изложенному и посмотримъ, какіе элементы для созданія новой формаціи церковнаго дисциплинарнаго права у вновь обращенныхъ германскихъ и кельтическихъ народовъ принесла съ собою церковь.

Первымъ изъ этихъ элементовъ является пенитенціальная система Западной церкви. Въ этой системѣ ученіе о покаяніи распадается на двѣ части — ученіе о покаяніи за тяжкіе грѣхи и ученіе о покаяніи за маловажныя прегрѣшенія. Въ ученіи о покаяніи за тяжкіе грѣхи карательный элементъ, въ виду приведенныхъ выше данныхъ, необходимо признать въ значительной степени ослабленнымъ сравнительно съ концомъ III и началомъ IV столѣтія, то-есть, сравнительно съ временемъ эльвирскихъ каноновъ и постановленій собора въ Арлѣ. Вслѣдствіе ослабленія карательнаго элемента ростетъ значеніе истинно-христіанскаго, высоко-нравственнаго воззрѣнія на покаяніе, какъ на благодатное средство, даруемое грѣшнику для при-

---

[1]) Leonis Magni Sermo VI. Сравн. *Laurent.* Etudes sur l'histoire de l'humanite. V. Les Barbares et le Catholicisme, 385—386.

[2]) Что перенесеніе воззрѣнія на покаяніе, какъ на умилостивительную жертву, состоящую главнымъ образомъ въ милостыняхъ и пожертвованіяхъ церкви, при наличности извѣстныхъ условій, не представляло особыхъ затрудненій, видно изъ того, что зачатки подобнаго перенесенія встрѣчаются уже у христіанскихъ римскихъ писателей конца разсматриваемаго періода. Въ сочиненіи Сальвіана «Libri IV adversus avaritiam (edit. *Baluzii*, Parisiis. 1699, p. 234)» читаемъ даже слѣдующее мнѣніе: «offerat ergo vel moriens *ad liberandam de perennibus poenis animam suam*, quia aliud jam non potest, saltem substantiam suam».

миренія съ Богомъ и его церковью [1]). Съ совсѣмъ инымъ воззрѣніемъ, какъ мы только что видѣли, встрѣчаемся въ сферѣ покаянія за маловажныя прегрѣшенія. Здѣсь получилъ полный перевѣсъ ветхозавѣтный взглядъ на покаяніе, какъ на умилостивительную жертву, состоящую въ извѣстныхъ лишеніяхъ, налагаемыхъ на кающагося. Въ силу этого взгляда покаяніе за маловажные грѣхи несравненно болѣе приближалось къ типу наказаній, въ особенности, какъ увидимъ ниже, къ тому типу наказаній, который преобладалъ въ ту эпоху у кельтическихъ и германскихъ народовъ.

Вторымъ элементомъ является циклъ памятниковъ покаяннаго права Восточной церкви, которые разсмотрѣны нами выше, и которые, начиная съ конца V вѣка, стали распространяться, преимущественно въ латинскихъ переложеніяхъ, по западу Европы. Въ греческомъ покаянномъ правѣ, какъ мы имѣли случай убѣдиться выше, карательный и формальный элементы являются въ гораздо болѣе развитомъ видѣ, чѣмъ въ правѣ Западной церкви; тѣмъ не менѣе и въ немъ новая идея наказанія не вытѣсняла собою древней идеи исправленія, а была приведена съ нею въ органическую связь, при чемъ преобладаніе осталось за идеей исправленія.

Вотъ тѣ элементы церковнаго покаяннаго права, сліяніе которыхъ съ германскими и кельтическими народными правовыми воззрѣніями предстоитъ намъ теперь прослѣдить

Но прежде чѣмъ приступить къ выполненію этой главной части нашей задачи, мы считаемъ необходимымъ предпослать въ слѣдующемъ непосредственно за симъ отдѣлѣ краткій очеркъ системы особенныхъ церковныхъ взысканій и наказаній въ первыя пять столѣтій христіанскаго лѣтосчисленія.

---

[1]) Этотъ истинно-христіанскій, высоко-нравственный взглядъ на покаяніе, какъ на благодатное средство для примиренія съ Богомъ, высказывается съ замѣчательною послѣдовательностью Августиномъ въ его Sermones de poenitentia. (Sermo 151 и 152). И остальныя церковныя взысканія Августинъ разсматриваетъ съ той же точки зрѣнія. Такъ, напримѣръ, отлученіе называется имъ «prohibitio non mortalis sed medicinalis». Такой же взглядъ на отлученіе и покаяніе, какъ на средства побудить грѣшника къ раскаянію, находимъ и въ посланіи Льва Великаго ad Theodorum, Forojuliensem episcopum (*Mansi* IV, 208).

В. Сокольскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).